

На правах рукописи

БУХАЕВА Октябрина Доржиевна

**РЕЧЕВАЯ СЕГМЕНТАЦИЯ В БУРЯТСКОМ ЯЗЫКЕ
(В АСПЕКТЕ УНИВЕРСАЛЬНОГО И СПЕЦИФИЧЕСКОГО)**

Специальность 10.02.16 - монгольские языки

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Улан-Удэ 1998

Работа выполнена в Бурятском государственном университете
(филологический факультет)

Научный консультант - доктор филологических наук,
профессор И. Д. Бураев

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук, профессор,
член-корреспондент РАЕН В. И. Рассадин
доктор филологических наук А. А. Дарбеева
доктор филологических наук, профессор У-Ж.Ш. Дондуков

Ведущая организация - Восточно-Сибирская государственная
академия культуры и искусств (кафедра лингвострановедения)

Защита состоится «___» _____ 1998 г. в ¹¹9.00 час на
заседании диссертационного совета Д.003.26.01 в Институте
монголоведения, буддологии и тибетологии СО АН РАН (670047,
Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. М.Сахьяновой, 6).

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Бурятского
научного центра СО РАН (г. Улан-Удэ, ул. М.Сахьяновой, 6).

Автореферат разослан «___» _____ 1998 г.

Ученый секретарь диссертационного совета,
кандидат филологических наук

Г. А. Дырхеева

Актуальность темы исследования. Обращение к теме «Речевая сегментация в бурятском языке» (в аспекте универсального и специфического) вызвано радикальными переменами, происходящими в современной лингвистике в последние десятилетия, а именно: переходом к лингвистике антропологической (с её ориентацией на говорение и слушание), изменением объекта исследований - речевой деятельности людей, той её части, которая относится непосредственно к актам вербализации мысли и реализации интенций (намерений) говорящего в языковой форме, поисками механизмов моделирования реальных процессов порождения и восприятия речи, с одной стороны, и практическими целями преподавания бурятского языка не только в бурятской, но и в русскоязычной аудитории - с другой.

Реферируемая работа представляет собой первую попытку характерологического исследования, направленного на выявление внутренней типологической специфики фонетико-фонологической системы бурятского языка как единообразия в многообразии конкретных единств, т.е. в аспекте универсального и специфического, в свете новых направлений в современной лингвистике, что и определяет актуальность поставленных цели и задач в общей проблеме порождения речи.

Это актуально не только в теоретическом плане, но и в связи с расширением охвата людей, изучающих бурятский язык: если до последнего времени бурятский язык изучался только в национальных школах и вузе с бурятским составом учащихся и студентов, то на сегодняшний день преподавание бурятского языка охватывает учащихся и студентов независимо от их национальной принадлежности.

Следовательно, настала необходимость пересмотра учебных программ по бурятской фонетике (вузовских и школьных) с переориентацией с «поштучной» подачи сегментных единиц на их реальное функционирование в речи, на их участие в сегментации знаковых единиц - морфемы, слова, фразы и текста.

История изучения фонетической системы бурятского языка имеет давнюю традицию, и обзор литературы свидетельствует о широком диапазоне охвата проблем: это и эволюция становления фонетико-фонологической системы, и историко-сопоставительные исследования по фонетике монгольских языков, и диалектологические исследования говоров и диалектов бурятского языка, и вопросы взаимодействия и взаимообогащения издавна непосредственно контактирующих русского и бурятского языков, и исследования современного состояния фонетической системы и её фонологической интерпретации, включая и экспериментальную фонетику, и разработка фонетики и фонологии бурятского языка в учебных целях и методики его преподавания в школе и в вузе.

Экспериментальные исследования в последние десятилетия ведутся по разным направлениям. Это и всестороннее изучение фонемно-звуковой структуры бурятского языка и его диалектов, и экспериментальное исследование акцентной природы бурятского слова, и особенно интенсивно-интонационной картины звучащей бурятской речи.

Но при всей широкой представленности исследований в области фонетики и фонологии бурятского языка на сегодняшний день нет работ, ориентированных на изучение языка через речь, на «присутствие» носителя, создателя речи, на описание процесса речепроизводства и речевосприятия (уже - звукопроизводства и звуковосприятия) - двух сторон речевой деятельности человека.

Цель данного исследования - выявить закономерности сегментации универсальной субстанции как звучащего речевого объекта в аспекте речепорождающего процесса, проследить структурную организацию специфических языковых значений и пути их выражения в звуковой материи бурятского языка в плане детерминированности функционирования звуковых элементов, причин позиционных, комбинаторных и синтагматических закономерностей и их запретов в потоке бурятской речи.

Цель исследования обуславливает решение ряда задач:

1) определить основные закономерности «механизма» озвучивания знаковых единиц;

2) проследить, какие «устоявшиеся лингвистические гипотезы» подверглись пересмотру в связи с изменением объекта, способов и характера фонетико-фонологических описаний;

3) на основе данных экспериментального исследования фонетической системы бурятского языка и её фонологической интерпретации вычленить единицы сегментации речевого потока, методики и критериев их обнаружения на уровне отдельных сегментов: слога, слова, выявить специфику их взаимодействия в парадигматике и синтагматике бурятского языка, в его звучащей речи;

4) определить принципы и особенности «звукового механизма» и механизма «озвучивания» знаковых единиц на материале фонетико-фонологической системы бурятского языка;

5) дать характеристику акцентной и сегментной организации бурятского слова в потоке речи и определить её особенности в аспекте универсального и специфического.

Научная новизна диссертации заключается в том, что в ней впервые в бурятоведении

- на основе данных экспериментальной фонетики и фонологических исследований фонетико-фонологическая система бурятского языка рассматривается с позиций когнитивной лингвистики с переориентацией с

артикуляционно-акустических и перцептивных характеристик звуковых сегментов на звучащую речь;

- определено, что стартовой ступенью в сегментации бурятского слова как носителя семантической информации является сингармонизм, его сингармонические уклады, определяющие не только вокалический характер звуковой системы, следствием чего является слабость, вялость, неэнергичность артикуляционной базы, но и строго регламентирующие функционирование всех звуковых единиц в потоке речи, их парадигматические и синтагматические отношения;

- выявлена системная закономерность, по которой основную функциональную нагрузку в звучащем слове несут гласные сегменты, которые «диктуют» свои условия и определяют вариативность согласных фонем почти по всем конституирующим их признакам;

- установлена связь между гласной фонемой и фонологической стабильностью ее признаков, с одной стороны, и между фонемой и ее фонетическими коррелятами - с другой, отличная в этом плане от русского языка: аллофония гласных фонем не выходит за пределы рядности и границ по подъему языка, не затрагивает их стационарных участков, видоизменениям подвергаются только переходные участки, что не меняет их фонемной отнесенности в потоке речи;

- подтверждено, что в сегментации бурятского слова особую роль играет количественная протяженность его звуковых сегментов, в особенности долгих монофтонгов и дифтонгов, устойчивых и стабильных на протяжении всего слова, независимых от фонетических условий;

- анализ консонантной структуры бурятского слова позволил определить, что относительно малый репертуар согласных фонем, особенности структурирующих их дифференциальных признаков, позиционная, комбинаторная и синтагматическая «ущербность» - следствие «неэнергичности» артикуляционной базы, «избегающей» сильных настроек дополнительных артикуляционных усилий;

- определено, что основным принципом коартикулирования членов консонантных групп (двучленных и интервокальных) является движение по возрастающей напряженности (от слабого к сильному) и звучности;

- в результате исследования механизма речепорождающего процесса на уровне микро- и медиасегментации сделан вывод о том, что бурятская артикуляционная база, ее сингармонические уклады как нельзя лучше ориентированы на озвучивание всего слова как знаковой единицы, а не его отдельных сегментов;

- выведены закономерности «дозволенных последовательностей» фонем в рамках твердо- и мягкорядной модели, что позволило установить основную тенденцию - либо сохранить стабильность широкорастворности (основной лексический массив структурируется последовательностью *а, аа,*

аз; о, оо, оэ, өө; э-ээ - в первом слоге и теми же гласными в непервых слогах), либо «расширить» резонирующую полость, что подтверждается данными словаря и определяет наличие долгих узких гласных после открытых и узких первослоговых при слово- и формообразовании (отсюда понятна не востребованность узких кратких фонем <у>, <у>, дифтонгов <уи>, <уи> в непервых слогах);

- подвергнуто сомнению наличие словесного ударения в бурятском слове, локализованного, по мнению некоторых ученых, на последнем слоге, определяемого одним фонетическим признаком - высотой тона и наделенного одной функцией - функцией демаркационного сигнала; приведены аргументы.

Практическая значимость. Результаты исследования могут быть использованы в аналогичных работах в бурятском языке и в целом в монгольских языках, при сопоставительно-типологическом изучении фонетико-фонологической системы одно- и разноструктурных языков, при составлении научных и практических грамматик, различных пособий для вузов и общеобразовательных школ, могут способствовать дальнейшему разрешению проблемы в звучащей речи.

Методы исследования. Решение поставленных цели и задач вызвало необходимость сопоставления звуко-речевых явлений бурятского языка с теми же параметрами в других языках, в частности, в русском языке.

Этим определяется использование, наряду с индуктивным и дедуктивным методами, и типологического метода описания языкового типа как конкретной реализации универсального в специфических особенностях звукового строя бурятского языка. В работе используется главный приём типологического метода - сравнение с его разновидностями (контрастивным и конфронтативным).

Апробация работы. Диссертация обсуждалась на заседаниях отдела языкознания Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО АН РАН и кафедры русского языка Бурятского госуниверситета, ее основные положения докладывались на научно-практических конференциях БГУ. По теме диссертации опубликованы две монографии и тринадцать научных статей.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, списка использованной литературы и приложения.

Содержание работы

Во введении аргументируется актуальность исследуемой проблемы, определяются цели, задачи и методы исследования.

Глава 1 Необходимость первой главы «Теоретические основы фонетико-фонологического описания в аспекте порождения речи» вызвана теми изменениями, которые произошли в подходах и методах описания фонетико-фонологических систем языков, их единиц в лингвистике II половины

XX века; пересмотром и неоднозначным решением таких фундаментальных понятий фонологии, как понятие «фонемь», её функции, членности-нечленности её в нелинейной синтагматике, понятие «мельчайшей базовой субстантной единицы» фонологии, понятие «дифференциальные признаки», их значимости-незначимости в сегментации речевого потока.

В поле зрения исследований - поиски механизмов, осуществляющих цикл порождения речевого высказывания, задачи моделирования реальных процессов порождения и восприятия речи, того, как они протекают в голове говорящего и слушающего, каковы действия тех или иных операций по реализации глубинного замысла высказывания.

Особое внимание уделяется при этом анализу трёх основных этапов порождения речи: довербального, когда формируется так называемый замысел речи (интенция говорящего) и оценивается обстановка; этапа, связанного с выбором языковых средств, и последнего этапа, когда происходит сама языковая реализация замысла (озвучивание).

Порождение речи с точки зрения когнитивного подхода рассматривается, таким образом, как речемыслительный процесс, одновременно приводящий в движение и когнитивные, и языковые структуры и в их постоянном взаимодействии и переплетении.

Из-за исключительной сложности описания порождения речи - от замысла до реализации - исследований, по мнению Е.С.Кубряковой (1991), с единых позиций ещё нет, и все попытки охарактеризовать структуру и особенности речепорождающегося процесса в полном объёме носят в настоящее время лишь предварительный характер.

Тем не менее модели порождения речи в современной науке уже могут включать в качестве своих предпосылок положения о том, что в описании речевой деятельности важно стратифицировать процесс порождения речи, выделяя в нём его последовательные этапы; в процессе порождения речи как определённого вида деятельности необходимо установить прежде всего структуру этой деятельности; в описание речевой деятельности следует включить не только собственно языковые явления, её характеризующие, но и остановиться специально на понимании доречевых и предречевых феноменов; «словная» модель порождения речи уже принципиально недостаточна, ибо в ней не учитываются ни роль более широко понимаемого номинативного компонента речевой деятельности, ни роль синтаксических структур и деривационных процессов, имеющих место в осуществлении порождения речи.

Происходят «обновления» и в фонетической науке, меняются способы описания её объекта, что «ведёт к пересмотру некоторых уже «устоявшихся лингвистических гипотез».

Так, кардинальные для фонологической теории понятия фонемы и дифференциальных признаков имеют существенно несходную трактовку не

только в различных фонологических направлениях, но и в пределах одной фонологической школы.

Расхождения фонологических школ касаются в основном трёх вопросов: каков объём фонемы (т.е. проблема разложимости и неразложимости фонемы), каковы принципы идентификации фонемы и по вопросу о том, включается или не включается в характеристику фонемы понятие дифференциального признака.

Дифференциальные признаки органично входят в модель «пражской фонемы» и фонемы по шербовской фонологии, по-разному решая эту проблему Московская фонологическая школа, в рамках которой можно выделить две концепции именно в связи с их отношением к дифференциальному признаку: первая признаёт дифференциальные признаки фонем, а вторая отрицает.

Термин фонема употреблялся традиционно в двух значениях: 1) фонема - «конкретный звук», выступающий в сильной позиции и имеющий определённую физиолого-акустическую характеристику; 2) фонема - это «совокупность звуков, находящихся в отношениях позиционного чередования в зависимости от сильных и слабых позиций».

Нет единого мнения у представителей разных фонологических школ и относительно того, что является системообразующим фактором в фонологической системе: одни - системообразующим началом выделили позицию (так называемая новомосковская школа Р.И.Аванесова, В.Н.Сидорова, П.С.Кузнецова и др.), другие - оппозицию (Н.С.Трубецкой).

Одним из главных расхождений, между фонетикой и фонологией является проблема членимости фонемы в отношении к ее единству, к ее неделимости или, напротив, множественности её воплощений. Проблема взаимоотношений фонемы со множеством её воплощений и проблема членимости или целостности фонемы в линейном аспекте относительно звуковых единиц с линейной протяженностью или изменяющейся реализацией (долгих гласных и согласных, дифтонгов и аффрикат) решаются в пользу целостности фонемы. Наиболее актуальным из трех аспектов проблемы членимости фонемы является вопрос о неэлементарности фонемы, т.е. вопрос о выделении в ее структуре собственно фонологических элементарных компонентов.

Когда первичная фонологическая единица изучалась как различительный признак фонемы, в поле зрения исследователей на первом плане оказывались субстантивные свойства звуковой реализации фонемы, артикуляционные и акустические, т.е. необходимые для производства данного звука движения произносительных органов и соответствующие им слуховые впечатления. Иначе говоря, подчиненный статус признака относительно фонемы выдвигал как основу его субстантивной природы те или иные характеристики звука» (Плоткин 1993, 19).

Сейчас стоит вопрос о механизмах управления артикуляторной деятельностью, т.е. о том, какие программы должны существовать в управляющих отделах мозга, чтобы обеспечивалась столь сложная по степени координированности, по скорости и вариативности двигательная деятельность того сложного комплекса, который мы называем «органами речи».

Функция звука как продукта артикуляции и объекта аудиоперцепции - экстернализация речевого сигнала и перенос его от человека к человеку. Путь сигнала начинается не во рту и завершается не в ухе - и отправителем и получателем сигнала является мозг. Путь этот состоит из трех этапов: 1) от мозга к артикулирующим органам, 2) от них к органу слуха, 3) от него к мозгу. На первом этапе сигнал реализуется в нервных импульсах, на втором - в звуках и на третьем - снова в нервных импульсах. К языковому плану выражения принадлежат обе субстантные реализации сигнала - как звуки, так и нервные импульсы.

Все исследователи сходятся в одном - начинателем и отправителем процесса вербализации семантической информации является мозг человека. Сначала в мозгу человека возникает замысел (интенция, фреймы, сценарии) и уже потом «по команде сверху» «подключается» весь сложный механизм материализации, вербализации этого «образа», т.е. физиология речи.

«В процессе речеобразования, - пишут Л.А.Чистович и В.А.Кожевников, - логично выделить три основных этапа. Первый -...построение в мозгу человека программы артикуляторных движений...Следующий этап представляет собой реализацию этой программы, т.е. превращение ее в некоторую последовательность комплексов артикуляторных движений. Наконец, третий этап, по времени, естественно, совпадающий с артикуляторными движениями, - это образование звукового сигнала» (1969, с.6-7).

Следовательно, на долю фонологической системы приходится преобразование семантической информации в речевой сигнал, приводящий в движение нервно-мышечную импульсацию.

Функция языка в системе средств плана выражения сводится к экстернализации речевого сигнала; «звук есть переносчик сигнала, отчужденного говорящим от себя и не принадлежащего слушателю. От места преобразования семантической информации в речевой сигнал (и обратно) звук отделен сферой нервно-мышечной импульсации, которая в отличие от звука...самым непосредственным образом связана...с мозгом» (Плоткин 1993, 19).

Фонема при таком взгляде оказывается фонологически вторичной - это языковая единица, способная реализоваться в звуке как естественном способе экстернализации речевого сигнала и преодоления пространства между участниками речевого общения» (Там же). Она играет ведущую

роль на стадии овладения звуковым строем языка и сохраняет немаловажную роль в его формировании.

Нет единого мнения в современной лингвистике и по вопросу о структуре слога и слогораздела. Звуковые оболочки всех знаковых единиц (морфем, слов, высказываний) - это участки звукового потока, который подвергается сегментации и модулированию и организуется с учётом семантических факторов - слиянием плана содержания и плана выражения.

В современной лингвистике господствуют три теории, по-разному освещающие природу слога, каждая из которых даёт объяснение многим фактам слогообразования, но ни одна из них «не способна объяснить их все» (Панов 1979, 71).

Первая теория рассматривает слог как волну sonorности, вторая - как волну эксплозии - имплозии.

Экспериментальные исследования, проведённые Л.В.Бондарко и Л.П.Павловой (1967), по мнению М.В.Панова (1995), не «сняли» разногласий во мнениях о слоге и слогоразделе.

Л.Л.Касаткин и Р.Ф.Пауфощима в статье «Акустическая характеристика противопоставления сонантов шумным согласным» (1984) на основе экспериментальных исследований сонантов в разных позициях и с учётом того, что сонанты могут подвергаться частичной или полной утрате голоса, пришли к выводу, что для них (сонантов) «звучность, sonorность, голос - неконститутивный признак».

Исследование показало: согласные, которые можно назвать сонантами (или sonorными), могут обладать большей звучностью, sonorностью, чем шумные согласные, но могут терять звучность частично или полностью и уравниваться в этом отношении с шумными согласными. Однако отличие между ними сохраняется: у сонантов уровень шума меньше, чем у шумных согласных.

Сonorный в интервокальных сочетаниях частично теряет звучность до уровня следующего звонкого шумного: *мо-ржи, за-рде-ля, со-рвать*, либо оглушается, теряя голос перед глухими шумными: *заде-[ришка]* (с.107).

Так же можно объяснить и случаи начальных, конечных сочетаний sonorных с шумными: *морс, горн, нульт, льды, ртуть, мхи*.

Иной принцип и иное решение предлагает автор статьи «Фонологическое обоснование слогораздела в русском языке» В.Г.Руделев (1987). Основной критерий при слогоразделе - противопоставление по признаку «эксплозивные - имплозивные позиции».

Точек соприкосновения в этих теориях не так уж много. Одни и те же слова (например, *моржи, мрак*) находят кардинально противоположные решения: *мор-жи - мо-ржи, м-рак - мрак*.

Однако, если следовать выводам экспериментального исследования Л.Л.Касаткина и Р.Ф.Пауфощима (1984), то неначальный русский слог всегда открытый, поскольку сонорные по звучности и по степени представленности шума уподобляются «соседу» справа и, следовательно, отходят к следующему слогу: *мо-риси, ко-ничик, фа-нза* и др. (принцип восходящей звучности во втором слоге соблюден).

Эта точка зрения кажется убедительной, аргументированной, и русский неконечный слог вполне укладывается в эту слоговую модель.

В связи с переориентацией фонетико-фонологических списаний на звучащую речь особую значимость приобрели в последнее время исследования по проблемам просодии слова как в отечественном, так и зарубежном языкознании, появились разные направления, интологические школы. Знакомство с серией работ по указанным проблемам, представленной, например, в отечественном языкознании такими именами как Т.М.Николаева, Н.Д.Светозарова, Е.А.Брызгунова, М.К.Рогова, Р.К.Потапова и многих других, говорит о сложности, многоплановости суперсегментных единиц языка, дискуссионности, а порой и противоречивости в решении многих вопросов.

Довольно активно исследуется в современной лингвистике совершенно неизведанная область речевой деятельности человека - проблемы сверхфразовых единиц.

Вторая глава «Фонетико-фонологическое описание звукового строя бурятского языка в аспекте звучащей речи» посвящена анализу звуковых единиц, функция которых конституировать значимые единицы языка на уровне микро- и медиасегментации, поэтому звуковые единицы вычленяются и формируются на основе их связи со смыслом, с осознанием которого связано выделение всех единиц языка - и слов, и морфем, и фонем.

Место отдельной фонемы или группы фонем в системе определяется не только на основании акустико-артикуляционных характеристик, их дистрибуции, различительных возможностей в той или другой позиции в слове, но и его (слова) смысловой структуры, с которой собственно и начинается его звуковая сегментация.

Каждая звуковая единица в потоке речи характеризуется по следующим признакам: 1) по способности участвовать в образовании значимых единиц языка, т.е. описать особенности её употребления в языке в разных словах, в разных фонетических условиях; 2) по фонетическим свойствам: по артикуляции - процессу образования звуковых единиц, той работе, которую совершают произносительные органы человека, их нервно-мышечной импульсации; по акустическому результату работы произносительных органов, т.е. описать собственно звук, который и является целью артикуляторной деятельности «говорильного аппарата», в свою очередь, определяющегося прежде всего особенностями его артикуляционной базы.

Артикуляционная база бурятского языка, как отмечают ее ученые (см.: Бураев 1959, Соктоева 1983 и др.), характеризуется не только сдвинуто-стью назад и заметной слабостью, вялостью, незнергичностью работы артикулирующих органов при образовании звуков по сравнению, например, с русским языком в этом плане.

Разная степень напряжённости артикулирующих органов при образовании звуков в русском и бурятском языках определяет прежде всего системное различие, связанное с функциональной значимостью гласных и согласных: консонантным характером русской фонетики и вокалическим - бурятской, что выражается и в фонологическом составе вокализма и консонантизма, и в количестве и качестве дифференциальных признаков, и в закономерностях сочетаемости фонем, и в конечном итоге - в сегментации речевого потока в целом.

Вокалический характер фонетико-фонологической системы бурятского языка проявляется не только в наборе гласных фонем (17), но и - в их функциональной значимости по отношению к согласным. Иными словами, бурятский язык характеризуется большей функциональной нагруженностью гласных, большей стабильностью их количественных и качественных характеристик по сравнению с согласными, которые в силу их меньшей функциональной нагруженности обладают богатыми возможностями варьирования по всем своим конститутивным признакам в зависимости от качества соседствующих гласных.

Как известно, в русском языке по вопросу о фонологической значимости признаков по ряду и подъему языка, лабиализованности-нелабиализованности нет однозначного решения, в особенности по признаку «ряд образования». Однако столь же зависящим от фонетической позиции является и признак подъема гласного: в последовательности СГ гласный начинается всегда с более закрытого участка, и в этом отношении вариативность по подъему может быть поставлена на одну доску с вариативностью по ряду: «вариативность гласных по подъему в потоке речи не меньше, а даже больше, чем вариативность по ряду» (Бондарко 1981, 64).

Критерий большей устойчивости лабиальности гласных заднего ряда также отпадает, поскольку <о> вообще в безударной позиции не употребляется - реализуется в других нелабиализованных аллофонах, а <у> «теряет» свою лабиализованность, особенно после мягких и в заударной части слова, поэтому «предпочтительность именно этого признака может быть поставлена под сомнение» (Там же).

Выходит, что ни один из фонологических признаков русских гласных не стабилен - в потоке речи они видоизменяются и «перестают» быть средствами различения звуковых оболочек слов.

Существующие представления о том, что фонетическими коррелятами различительных признаков должны считаться те свойства, которые прояв-

ляются в фонетически независимой позиции, в случае описания гласных требуют целого ряда уточнений, поскольку большая вариативность русских гласных даже в идеальных фонетических условиях остаётся неоспоримым фактом.

В связи с этим, В.Я. Плоткин пишет: «теряют смысл традиционные споры о релевантности, фонологичности того или иного компонента в данной фонологической системе» (1993, с.26). В потоке речи значимость приобретают именно фонетические реализации фонологических признаков, функционирующих в данной фонологической системе.

Иначе взаимодействуют фонологические признаки и их фонетические корреляты в бурятском языке. Система вокализма современного бурятского литературного языка (с точки зрения традиционных подходов и терминов) характеризуется пятью фонологически значимыми параметрами: степенью движения языка по горизонтали и вертикали, т.е. рядом и подъёмом языка, участием губ (лабиализованные-нелабиализованные), количественным признаком (долгота-краткость) и характером уклада артикулирующих органов (монофонги-дифтонги).

Артикуляционно и фонематически бурятские гласные фонемы по степени подъёма языка (по данным экспериментальной фонетики - см.: Бураев 1959; Бураев и др. 1975) охватывают все шесть ступеней по классификационной таблице Л.В. Щербы: гласные фонемы предельно верхнего подъёма <ии>, <у>, <уу> <уи> - I ступени, артикуляторно «соответствующие» русским гласным верхнего подъёма; гласные <у>, <уу>, <уи>, расположенные на ступеньку ниже, - II ступени; гласная фонема <7> - III ступени; гласные <э>, <ээ>, <о>, <оо>, дифтонг <оэ> - IV ступени; дифтонг <аэ> - V ступени; фонемы <а>, <аа> - VI ступени.

С точки зрения участия гласных фонем в структурализации значимых единиц, они по признаку «степень подъёма языка» объединяются в две зоны, определяя, таким образом, две фонематические группы, противопоставленные одна другой: узкие - широкие. Узкие гласные охватывают все гласные верхних подъёмов приблизительно 1-2 ступеней по таблице Щербы: *ўў, ў, уу, у, ии, и*, дифтонги *уи, ўи*. Широкие гласные охватывают все гласные средних и нижних подъёмов: *аа, а, ээ, э, оо, о, оо* и дифтонги *аэ, оэ* (Бураев 1959).

«Ряд образования» для бурятских гласных является фонематически значимым: независимо от позиции в слове и фонетического окружения движение языка по горизонтали, так же, как и по вертикали, вызывает появление новых фонем: *у-у, уу-уу, уи-уи, оо-оо* и т.д., которые в потоке речи не меняют своего фонемного статуса.

Фонетически бурятские гласные делятся по этому признаку на четыре артикуляционных ряда, при этом деление гласных по артикуляционным рядам и по степени подъёма тесно связаны между собой.

К гласным переднего ряда относятся <и>, <ии>, <э>, <ээ> и дифтонг <аэ>; к заднерядным - <у>, <уу>, <уи>, <о>, <оо>, <аа>, к смешанному - дифтонг <оэ>, к центральному - <γ>, <γγ>, <θθ>.

Фонематически выделяются три ряда: твердый, мягкий, нейтральный, не совпадающие с вышеуказанными артикуляционными рядами, но опирающиеся на них и своеобразно переплетающиеся с ними, регулируя по определенным правилам сочетания звуков в слове. Это явление известно под названием сингармонизма гласных звуков или просто гармонии гласных.

Эти три ряда вокализма в звуковой системе бурятского языка дают следующую картину взаимоотношений с четырьмя основными артикуляционными рядами физиологической классификации:

1. Фонематическая группа гласных твердого ряда охватывает все существующие в бурятском языке гласные заднего, заднего выдвинутого рядов и все гласные нижних подъемов, переднего и переднего отодвинутого рядов: *уу, у, оо, о, аа, а, аэ, оэ, уи*.

2. Гласные мягкого ряда охватывают все гласные звуки центрального ряда, гласные среднего подъема переднего и переднего отодвинутого рядов: *йй, й, θθ, ээ, э, йи*.

3. Гласные нейтрального ряда охватывают гласные верхнего подъема переднего и переднего отодвинутого рядов: *ии, и*.

Фонологический признак гласных бурятского языка «долгота-краткость» - фонематически значимый признак, по которому гласные входят в оппозицию: *а-аа, э-ээ, у-уу, й-йй, и-ии*, фонема *θθ* и все дифтонги - вне этой оппозиции, они только долгие. В бурятском языке это неизменяемый, постоянный признак фонемы, независимый ни от каких фонетических факторов.

Оппозиция «долгота-краткость» в бурятском языке характеризуется не только количественными характеристиками, но и качественными различиями, степенью самостоятельности в речевом потоке и возможностями вступать в контакт с консонантными единицами.

Гласные по признаку «огубленность-неогубленность» также в потоке бурятской речи никакой модификации не подвергаются.

Бурятский язык характеризуется еще одним фонематически значимым противопоставлением, не имеющим аналога в русском языке, - это оппозиция монофтонги-дифтонги (по характеру уклада артикулирующих органов). Дифтонги в бурятском языке представлены четырьмя фонемами: *аэ, оэ, уи, йи*, которые по длительности не отличаются от долгих фонем, т. е. являются в количественном отношении долгими и «ведут себя» в потоке речи так же, как и долгие монофтонги.

При артикуляторно-акустической характеристике гласных фонем имеет немаловажное значение большая или меньшая степень мускульного на-

пряжения произносительного аппарата, которая существенно влияет на тембровую их характеристику. Именно степень мускульного напряжения стенок артикулирующего аппарата в первую очередь обеспечивает сильную и слабую позицию гласных в сегментной структуре фонетического слова как в русском, так и в бурятском языке: в русском - словесное ударение, которое определяет более «чёткое и яркое звучание» ударных гласных сравнительно с безударными; в бурятском - сингармонизм, по которому именно большая напряжённость гласного первого слога, по сравнению с гласными непервых слогов, определяет его сильную позицию

Артикуляционно-акустическая характеристика гласных фонем бурятского языка по данным экспериментальной фонетики позволяет сделать следующие выводы:

1) Движение языка по горизонтали и вертикали вызывает появление новых фонем, кроме позиции нижнего подъёма, где гласные <a> и <aa> довольно свободно перемещаются по рядности, вызывая оттеночные различия в зависимости от места образования препозитивных согласных: могут быть гласными, кардинально противоположными по этому признаку - переднего, заднего ряда, не меняя своего фонемного статуса; оттеночные значения других твёрдорядных гласных проявляются в пределах их рядности (например, <o>, <oo>, <y>, <yy> - заднего, заднего выдвинутого вперёд ряда; <e>, <ee> - переднего, переднего отодвинутого назад ряда и т.д.).

2) Гласные фонемы отличаются особой фонемной стабильностью: их аллофоническое варьирование по рядности не выходит за рамки их фонемной целостности.

3) Особой фонемной стабильностью (независимостью от позиционных и комбинаторных факторов), качественной и количественной устойчивостью отличаются долгие гласные.

4) Оппозиция «долгота-краткость» - наиболее устойчивый признак, не подверженный изменениям ни при каких фонетических условиях (количественное варьирование кратких гласных в непервых слогах происходит в сторону уменьшения временной протяжённости).

5) Фонетическая и фонологическая независимость долгих гласных от окружения и позиции в слове определяется их артикуляторно-акустическими характеристиками: долгие гласные в отличие от кратких артикулируются при большем челюстном растворе, мышцы резонаторов и в том числе язык напряжены значительно больше, чем при кратких, их количественные характеристики намного превышают краткие, причём они стабильны на протяжении всего слова.. Долгие гласные не «знают» никаких позиционных и комбинаторных ограничений при сегментации слова.

6) Аллофоническое варьирование гласных фонем по ряду и частично по подъёму происходит только в пределах первого слога.

7) Степень огубленности у бурятских лабиализованных гласных <о>, <оо>, <у>, <уу> значительно «уступает» русским аналогам: оно незначительное, губы мало выдвигаются вперёд, в результате чего образуется уплощённая щель (русские аналоги круглощелевые). У долгих гласных степень огубленности выше, чем у кратких. У гласных центрального ряда <у>, <уу> огубление сильное и круглое, как у русских гласных.

8) Влияние препозитивных мягких согласных на артикулирование бурятских гласных, в отличие от русских, незначительно, но «влияет на акустический эффект: при соседстве с мягкими согласными они имеют характерный тон (тембр) несколько выше, чем при сочетании с твёрдыми согласными».

9) Аллофоническое варьирование нейтральных гласных <и>, <и: > зависит от твёрдости-мягкости соседствующих согласных (ср.: у других гласных - от места образования консонантов).

10) В непервых слогах краткие фонемы <а>, <о>, <е>, <и> употребляются в редуцированных оттенках, но эта редукция носит иной характер, чем в русском языке.

Таким образом, вокальная система бурятского языка отличается особой стабильностью: фонетические корреляты гласных фонем при сегментации слова не «нарушают» их фонемного статуса, все фонологические признаки сохраняются в потоке речи - нет нейтрализации ни по одному из дифференциальных признаков: ни по ряду, ни по подъёму языка, ни по долготе-краткости, ни по огубленности-неогубленности, ни по оппозиции «монофтонги-дифтонги».

Позиционные характеристики гласных фонем определяются относительной их независимостью от фонетического окружения, что обеспечивает максимум информативной способности гласных в первых слогах (в сильной позиции) и в непервых (в слабой позиции).

Для гласных фонем бурятского языка независимой в фонетическом отношении позицией является позиция абсолютного начала слова и положение в первом слоге после согласных, где выступают все 17 гласных фонем, причём абсолютно сильной позицией будет положение в абсолютном начале слова. Бурятские гласные в сильной позиции произносятся отчётливо (их нельзя спутать с другими фонемами), краткие гласные с точки зрения протяжённости во времени в этой позиции скорее напоминают русские безударные гласные в первой слабой позиции.

Если русские гласные фонемы в сильной позиции характеризуются обязательной длительностью, то для бурятских гласных этот признак необязателен: и долгие, и краткие с одинаковым успехом функционируют в указанной позиции и выполняют функцию различения звуковых оболочек знаковых единиц. Бурятские гласные в сильной позиции отличаются большей степенью напряжённости артикулирующих органов: как было указано,

все долгие гласные и все краткие гласные первого слога являются более напряжёнными по сравнению с краткими же гласными непервого слога.

Если в бурятском языке гласной первого слога является более напряжённая краткая гласная, чем краткие гласные непервых слогов, то этого нельзя сказать о тех случаях, когда в последующих слогах - долгие гласные, которые произносятся при большем напряжении стенок резонирующих полостей. Но меньшая напряжённость и длительность кратких гласных первого слога по сравнению с долгими непервых слогов не мешает им, как и гласным в сильной позиции, выполнять регулирующую функцию всего гласного состава бурятского слова.

Фонетическую структуру русского слова характеризуют, количественные и качественные изменения безударных гласных, именуемые редукцией гласных. В бурятском языке редукция гласных как закономерное изменение тоже существует, но она носит иной характер и зависит от других факторов.

Оппозиция «сильная-слабая позиция» для бурятских гласных - это оппозиция «первый-непервый слог». В сильной позиции (в первом слоге) бурятские гласные фонемы, как и русские ударные, подвержены аллофоническому варьированию в зависимости от консонантного окружения: для одних гласных - это место образования согласных (фонетические оттенки кратких и долгих гласных *a, aa, y, uy, o, oo, e, ee*), для других - мягкость препозитивных согласных (для *y, u, uu*), что выражается в незначительном продвижении языка по горизонтали и вертикали в резонирующей полости, но в пределах фонологической рядности и подъёма; причём эти оттеночные явления проявляются только в первом слоге.

Долгие монофтонги <*yʏ*>, <*oo*> весьма устойчивы в качественном отношении. Различные позиционно-комбинаторные условия, в каких встречаются эти фонемы, не изменяют их основное качество; на всём своём протяжении они сохраняют однородный уклад органов речи с характерным для них звучанием.

В непервых слогах (в слабой позиции) все краткие гласные подвергаются редукции, т.е. произносятся при очень слабом мускульном напряжении стенок резонирующей полости, неопределённо, с менее чётким акустическим эффектом, чем гласные первых слогов. Но тем не менее непервослоговые гласные не осознаются носителями языка как самостоятельные звуки, а отождествляются с соответствующими первослоговыми гласными, т.е. являются оттенками фонем.

Краткие гласные при аллофоническом варьировании и в сильных, и в слабых позициях не имеют своего стационарного участка, в отличие от безударных русских гласных, которые, как известно, в слабых позициях изменяют и стационарные, и переходные участки, причём могут в некоторых случаях вообще не иметь стационарных участков (см.: Бондарко 1981,

с.153). Фонетические корреляты бурятских гласных фонем всегда соответствуют в потоке речи их фонемному статусу.

Итак, в сильной позиции (в первом слоге) употребляются все 17 гласных фонем, в непервых слогах (в слабой позиции) есть ряд ограничений: а) не употребляются краткие <у>, <у>, дифтонги <уи>, <уи>; б) фонемы <о>, <оо>, <оі> в непервых слогах возможны только при наличии в первом слоге этих же гласных; в) все гласные непервых слогов подчинены закону гармонии гласных: все твёрдоядные гласные в корневых морфемах употребляются в пределах твёрдоядных слов, мягкорядные - в пределах мягкорядных слов. На качество долгих гласных не влияют никакие свойства превокальных согласных, даже их твёрдость-мягкость, в отличие от русского языка, где под влиянием мягких согласных (особенно прспозитивных) гласные фонемы могут быть реализованы в звуках, далёких от основного варианта. Бурятские долгие гласные после мягких согласных ничего не утрачивают, только на переходном участке приобретают [ʔ] -образные оттенки.

Не влияет (по данным экспериментальной фонетики) мягкость согласных и на стационарные участки кратких гласных: небольшое движение гласных по ряду и подъёму языка вызывается местом образования согласных: в сочетании с согласными 1 и 2 артикуляции (губными и переднеязычными) гласные употребляются в опереднённых оттенках, с согласными 3 артикуляции (заднеязычными) и фарингальной <h> - в оттянутых назад оттенках, что тоже охватывает лишь переходные участки, причём эта аллофония проявляется только в первом слоге.

Некоторая «редуцированность», относительная неопределённость кратких гласных в слабой позиции (в непервых слогах) не нарушает их фонемного статуса, что поддерживается определённым укладом артикулирующих органов, действующим на протяжении всего слова.

В количественном отношении гласные непервых слогов (в слабой позиции) могут намного превышать гласные первых слогов (в сильной позиции). В бурятском языке в пределах одного слова могут быть два и более долгих гласных, в том числе и в непервых слогах, каждая из которых может произноситься с силой, с должным напряжением и долготой: *тогоого-ороо* (котлом).

Итак, в сегментации значимых единиц языка основная функциональная нагрузка падает именно на гласные, которые регулируют акустико-артикуляционные и функциональные характеристики согласных. Выражается это в том, что в зависимости от качества коартикулирующих гласных согласные варьируют почти по всем конститутивным и дистриктивным параметрам.

Консонантная система бурятского языка определяется тем, что артикуляционная база отличается некоторой слабостью, вялостью, неэнергич-

ностью произносительного аппарата и её сдвинутостью назад, что выражается

- в относительно меньшем репертуаре согласных фонем по сравнению с русским консонантизмом - 27:

а) нет аффрикат, долгих мягких шипящих, губно-зубных и заднеязычных смычных глухих, требующих больших артикуляционных усилий;

б) наличие фарингальной фонемы и заднеязычной <Hɣ> - следствие сдвинутоости назад артикуляционной базы бурят;

в) отсутствие мягких свистящих в бурятском консонантизме - результат некоторой шепелявости, вызванной характером уплощённой щели при образовании твёрдых свистящих, которая при наложении среднеязычной артикуляции становится ещё шире и площе - появляются шипящие звуки;

- в особенностях системы дифференциальных признаков:

а) нет стабильности в оппозициях по месту и способу образования консонантов: их звуковые реализации варьируются по этим признакам в зависимости от качества вокального «соседа» справа и слева;

б) оппозиция по твёрдости-мягкости представлена перед долгими монофтонгами; твёрдые фонемы реализуются в твёрдых и смягчённых оттенках в зависимости от твёрдорядности-мягкорядности гласных;

в) бурятские консонанты вступают в оппозицию по степени мускульного напряжения артикулирующих органов при их образовании как «сильные-слабые» при сопутствующем характере (интегральности) глухости-звонкости;

г) оппозиция по фональной подкатегории «шумные-сонанты» также имеет свои специфические особенности: сверхслабость сонантов выражается в минимуме шумовых и тоновых компонентов, который иногда в потоке речи доходит до нуля;

- позиционные и комбинаторные возможности бурятских согласных фонем - также следствие «ослабленности» артикуляционной базы: а) в начале слова в исконно бурятской лексике не употребляются плавные сонанты, «ущербны» сильные смычные глухие губно-губные <n>, <n'>; б) в интервокальной позиции не представлены заднеязычная <Hɣ> и те же губно-губные <n>, <n'>;

в) в исходе слова бурятские консонанты не вступают в оппозицию ни по одному из дифференциально значимых признаков: ни по силе-слабости (всегда слабые), ни по твёрдости-мягкости (только твёрдые), ни по глухости-звонкости (всегда в глухих оттенках), ни по «смычности-щелинности» (только смычные); оппозиция «шумные-сонанты» в ауслауте представлена всеми сонантами (наиболее слабыми из всех консонантов) и слабыми шумными <ɓ>, <ɣ>, <ɔ> в глухих и твёрдых вариантах, что свидетельствует о максимальном спаде напряжённости в конце бурятского слова.

Третья глава – «Синтагматическая фонология бурятского языка в аспекте порождения речи».

Синтагматическая фонология интенсивно разрабатывается в последние десятилетия, ибо специфика фонетико-фонологической системы заключена прежде всего в синтагматических отношениях составляющих её единиц. В современных исследованиях произошла и переориентация относительно объекта анализа – с отдельно взятых сегментов и их комбинаций – на уровень синтагматики слова в целом.

Разным языкам свойственны различные виды приспособления акустико-артикуляционных качеств гласных и согласных, что и определяется функциональной нагрузкой их членов, сочетания типа СГ и ГС сопровождаются приспособлением (аккомодацией) одного члена другому. Степень аккомодации, признак, по которому приспособляются звуки, и сам элемент, претерпевающий изменения, в разных языках не совпадают.

В современном бурятском языке, звуковой строй которого более вокалический, приспособляющимся звуком является согласный при относительной неизменности качества гласных; их сочетаемость в начальных и неначальных слогах неодинакова. Известное «приспособление» к качеству гласного испытывают почти все признаки бурятских согласных: твёрдость-мягкость, консонантные характеристики по месту и способу образования.

Сочетания типа ГС представлены в трёх формах: ГС, Г:С, Г'С (Г: – долгий гласный, Г – краткий, Г' – дифтонг), слоги типа СГ – соответственно в формах: СГ, СГ: , СГ'.

В бурятском языке сочетания типа ГС встречаются так же, как и в русском, в односложных словах, лексическая представленность которых ещё меньше, чем в русском. В неначальных бурятских слогах ГС не употребляется, поскольку непосредственное сочетание двух гласных в пределах слова исключено. Сочетания типа СГ, ГСГ и СГС встречаются в любой позиции бурятского слова (заметим: в русском языке сочетания СГС, ГС возможны только в конечном слоге).

На сочетаемость гласных и согласных в бурятском языке также оказывают влияние различные комбинаторные факторы (см. ниже).

Сочетания СГС одинаково свойственны как русскому, так и бурятскому языкам, но в первом они, как и ГС, встречаются только в конечных слогах, тогда как в бурятском языке в корневых морфемах они представлены и в первом и непервом слогах.

В бурятском языке в силу тенденции к большей вокальности его фонетики сочетаемость согласных ограничена. Для консонантных сочетаний в пределах слога и слова характерна коартикуляция согласных, контрастирующих по тому или иному признаку. Это может быть контраст по звучности (например, в русском), по звучности и по силе-слабости артикулирующего органа (например, в бурятском), по месту и способу образования кон-

сонантов в обоих языках. Степень контрастирования согласных по тому или иному признаку значительно варьирует в зависимости от позиции и качества согласных.

Вероятно, поэтому звуковые контрасты в сочетаниях плавных сонантов с гласными чрезвычайно ослаблены. Шумные согласные, а также носовые сонанты, как менее сонорные сравнительно с плавными, образуют более сильные контрасты с гласными. Соответственно контрастные тенденции в сочетаниях шумных и носовых согласных между собой выражены слабее.

Выявление характерных особенностей консонантной сочетаемости в русском и бурятском языках возможно при установлении наиболее дозволенных последовательностей фонем, удобных для системы групп согласных, т.к. именно в них выражаются основные закономерности сочетаемости согласных. «Дозволенная последовательность фонем» определяется особенностями слога и слогораздела, ибо «в каждом языке фонемы сочетаются по специфическим для данного языка законам,...и правила сочетаемости фонем характеризуют язык не в меньшей степени, чем фонемный состав» (Трубецкой 1960, 284).

В бурятском языке эти общие тенденции, связанные в конечном счёте с акустико-артикуляторными особенностями речеобразования, проявляются особенно стабильно и чётко, но специфически, с учётом того, что допускает или не допускает его артикуляционная база.

Как было указано выше, эти тенденции действуют в рамках бурятского слова, охватывая и позиционные, и комбинаторные, и сочетаемостные возможности отдельных сегментов в универсальных сочетаниях СГ, ГС, СГС в разных позициях в слове и единственно допустимых в пределах его слога.

Возможности консонантной сочетаемости сегментов бурятского языка в целом, в отличие от русского языка в этом плане, очень ограничены: в инициалах и финалах слова они исключены, единственно допустимые двухфонемные консонансы в середине исконно бурятской корневой морфемы распределяют свои члены по разным слогам. На стыке морфем возможны и трёхчленные консонантные комплексы (см. об этом ниже).

Отсутствие инициальных сочетаний согласных генетически связано с тем, что бурятский язык как язык агглютинативного типа относится к суффикгирующим языкам с правосторонней аффиксацией, а следовательно, инициаль - это корневая морфема, в которой исключалось скопление согласных.

В бурятском языке действует и такая закономерность, как контраст по степени мускульной напряжённости артикулирующих органов при коартикуляции звуковых сегментов. Наиболее последовательное проявление спада звучности и ослабление напряжённости к концу слова (и слога), и опре-

деляют «недопущение» в их финале всякого скопления согласных, как и в начале слова.

Фонетическая система бурятского языка, в отличие от русского, характеризуется представленностью интервокальных сочетаний только двучленными группами. Анализ типов интервокальных сочетаний согласных бурятского языка выявляет следующую закономерность: все сочетания строятся по принципу возрастающей напряжённости и звучности: первый член наиболее слабый и звонкий или глухой, последующий - «сильнее и звонче», поскольку всегда оказывается в превокальном положении. Эта закономерность «от слабого к сильному» при индифферентном отношении глухости-звонкости подтверждается данными статистического анализа сочетающихся согласных в бурятском языке, проведённого Г.А.Дырхеевой с помощью ЭВМ (см.: Дырхеева, Бухаева 1978).

Коррелятивные пары по твёрдости-мягкости обнаруживают гораздо меньший репертуар сочетаемости с последующими согласными, вероятно, в силу того, что дополнительная (среднеязычная) артикуляция требует большей напряжённости, не характерной для конца бурятского закрытого слога (и слова): очень ограниченно в препозиции консонанса выступают *д'*, *л'*, *р'*, *н'*, причём «соседями» справа выступают согласные другого локального класса (гетероганные) или способа образования, более напряжённые и звучные в силу их положения перед гласным: *эдыхургэ* (закваска). Чаще всего ими (соседями справа) оказываются заднеязычная *х* или губно-губная *б*. В случае, когда последующим согласным оказывается мягкий, мягкость первого члена, как правило, нивелируется. Например: *арьбан-арбин* (конское сало), *хорьбо -хорби* (трость). Совсем не представлены в качестве первого члена мягкие смычные *б'*, *г'* и сонорная *м'*.

Таким образом, в качестве второго члена интервокальных консонантных групп могут выступать все сильные (глухие) и все слабые (звонкие), все смычные и фрикативные, хотя некоторые из них не представлены в лексике в силу разных причин (см.: Бураев 1959, с.181-185; Золхоев 1980, с. 102-110).

Сонорные в качестве второго члена сочетания - самые пассивные: после сильных фрикативных *с*, *ш* в корневых морфемах исконно бурятских слов они не употребляются (наличие *н*, *н'* в сочетании с *с*, *ш* приходится на стыки морфем). Из сонорных после слабых и сонантов могут стоять носовые и частично боковые плавные *л*, *л'*. Плавные *р*, *р'*, которые по сравнению с русскими артикулируются в бурятском языке при более слабом подъёме языка и с меньшей вибрантностью, что объясняется слабостью мускульного напряжения (даже среди сонантов - это самые слабые звуки), «игнорируют» позицию второго члена консонанса, поскольку и в положении перед гласными по силе мускульного напряжения он слабее предыдущего. Таким образом, самое активное русское сочетание -CR- в

бурятском языке является самым пассивным, а сочетание -С + плавная р - вообще невозможным (С - любой шумный согласный). Это несоответствие наглядно проявляется в фонетическом облике заимствованных из русского языка слов - сочетания типа «согласный+р» реализуются с вокальным между ними элементом: *пооторхо* (потроха), *поодорзо* (подреза у саней), *пихаруудхаха* (от обанкротиться).

Но если эти сочетания (-CR-) оказываются перед долгими гласными (из русских ударных), то имеют тенденцию сохраняться, вероятно, в силу того, что напряжённость и долгота последующего гласного создают благоприятные условия для коартикуляции их членов: *батрааг* (батрак), *бидруу* (ведро), *матраас* (матрац), *патрааба* (потрава), *потроои* (патрон) и т.д.

Самыми активными в бурятском языке являются сочетания «сонорный+шумный»(-RC-) соответственно со вторым членом смычным (Т) или фрикативным (S), что вполне соответствует основной сочетаемостной закономерности - от слабого к сильному. Не противоречат этой закономерности и сочетания «смычный+смычный» (-ТТ-) и «смычный + фрикативный» (-TS-), поскольку первые члены сочетания - всегда только слабые с едва заметной смычкой. Следовательно, конец бурятского закрытого слога характеризуется не только спадом звучности, но и ослаблением мускульного напряжения артикулирующих органов.

На сочетаемость согласных в интервокальном положении бурятский язык накладывает запрет и с точки зрения их коартикуляции по месту и способу образования. В современном бурятском языке в анализируемой позиции встречаются и трёхчленные консонантные сочетания, но только на стыке морфем и характеризуются наличием сонорных в качестве первого и третьего члена (-RCR-). При этом слогораздел проходит после первого сонорного: *ээр-тнай* (ваш дом). Четырёхчленных и более сочетаний в бурятском языке нет.

Поскольку законы реальной сочетаемости принадлежат фонетическому уровню языка, то они в большей степени зависят от действующих в языке комбинаторных закономерностей (ассимиляции, диссимиляции и др.), хотя в строго синхронном плане можно говорить лишь о результатах этих процессов, закреплённых в языке.

В современном бурятском языке ассимиляция звуков - членов консонантных сочетаний, представленных только в интервокальной позиции, менее развита. Полной ассимиляции в бурятском языке нет. Частичная ассимиляция, очень развитая в бурятском языке, проявляется в трёх разновидностях: прогрессивной, регрессивной и взаимной, когда оба звука уподобляются друг другу. Ассимилятивные изменения звука могут происходить в пределах одной фонемы (аккомодация) и выходить за пределы одной фонемы, т.е. фонема может быть заменена другой, близкой по характеру артикуляции. О случаях первого типа аккомодации говорилось выше,

примером фонемной ассимиляции могут быть случаи замены одной фонемы другой (в основном на стыке морфем): *ан* (зверь) - *агнаха* охотиться).

Особенности сочетаемости согласных в бурятском языке с убедительностью показывают действие контраста сосуществующих в пределах одной морфемы фонем. Прежде всего это контраст по напряжённости артикулирующих органов: первый член консонанса всегда уступает по силе-слабости соседу справа.

Следовательно, в бурятском языке в консонантных сочетаниях, в отличие от русских, нет нейтрализации по силе-слабости их членов - они всегда разграничены по этому признаку. При этом «приспособляемость» членов бурятских консонансов по «глухости-звонкости» строго подчинена закону возрастающей звучности: первые члены, сохраняя своё качество по силе-слабости, полностью уподобляются «соседу» справа по глухости-звонкости: перед слабыми шумными и сонорными выступают в звонких оттенках, перед глухими (сильными) - в глухих. Отсюда становится понятным полное «игнорирование» сильными смычными начала сочетания. Иначе это противоречило бы закономерности от слабого к сильному.

Возможность употребления на уровне модели всех шумных в позиции консонанса вполне отвечает требованиям структурализации сочетаний согласных в интлауте слова с точки зрения возрастающей напряжённости и звучности. В рамках этой закономерности и «поведение» сонорных: плавные, наиболее слабые даже среди сонорных, занимают позицию первого, носовые - второго компонента. Плавная <л> в сочетаниях согласных исконно бурятских слов следует обычно за слабыми смычными и плавной <р>, что также не противоречит указанной закономерности.

Аккомодацию по фрикативности-нефрикативности испытывает заднеязычная слабая *z* в зависимости от качества соседствующего с ней согласного: щелевой оттенок проявляется в соседстве с плавными *p*, *л*, (например, *cop* [ʃʏ] - орф. *сорго* - труба для стока жидкостей), во всех других случаях - смычные оттенки. В целом во всех позициях сочетаемость по признаку «контрастные по напряжённости и звучности» регламентируется строже, чем по признакам «гетероорганность-гоморганность», «фрикативность-нефрикативность».

Примером фонемной ассимиляции, представляющей один из случаев чередования фонем, может служить аккомодация по назальности, которая проявляется на стыке морфем: вместо ожидаемого, например, *хам+ла* появляется *хам+на* (расчесы). Этот вид аккомодации «переносится» и на сочетаемость согласных в корневых морфемах заимствованных слов (*зоомниг* вместо ожидаемого *зообниг-зобник* - кормушка для лошадей, *домноо* вместо *добноо* - давно). Препозитивное положение при этом занимают твёрдые согласные, что является свидетельством того, что мягкие

согласные не только абсолютно исключены в конце слова, но и «избегают» позицию конца слога в нилауте.

Исключением в этом плане является фонема <л'>, которая проявляет большую самостоятельность и независимость: может сочетаться на уровне модели в качестве первого члена как с твёрдыми, так и мягкими. Это единственная фонема (кроме <ʃ>), которая может контактировать с мягкими, но её возможности в этом плане очень ограничены: следовать за <л'> могут только многовариантные <д'>, <т'> и носовой сонант <и'> в основном на стыке морфем. В качестве первого члена консонанса эпизодически могут употребляться <р'> в сочетании с гетероганной твёрдой <б> и <д'> в сочетании с заднеязычной твёрдой <х>.

Таким образом, в бурятском языке не соседствуют два мягких согласных - один из них, как правило, твёрдый, причём в качестве первого члена бесконкурентно может выступать л', редко р' и д': *эльбэхэ* (гладить), *гульда* (дубина), *арьбан* (бережливый), *хорьбо* (трость), *эдьхүүрээ* (закваска для теста). В качестве второго члена могут функционировать все имеющиеся в языке мягкие фонемы, кроме р'. Аккомодирующее влияние на твёрдые согласные при этом оказывает не качество контактирующего с ним согласного, а качество соседствующего гласного, причём ассимиляция может быть не только контактная, но и дистантная (действие палатального сингармонизма). Фонема й предпочитает позицию второго члена.

В бурятском языке отсутствует сочетание двух качественно одинаковых (гоморганных) согласных фонем, и эта особенность распространяется в отдельных случаях даже на фонемы, отделённые друг от друга другими звуками. Например, фонема р в составе аффикса, диссимилируясь, заменяется фонемой л, если в составе основы уже имеется фонема р. Ср.: *хабиша - хабишуурга* (тиски), но *бари-барюулга* (вручение, вместо ожидаемого *бар+юурга*).

Таким образом, консонантная сочетаемость в бурятском языке частично ограничена комбинаторными процессами ассимиляции и аккомодации, не похожими по своему характеру, широте охвата, направлению и другим признакам на комбинаторные закономерности русского языка.

В бурятском языке в пределах одной морфемы сочетаемость гласных отсутствует.

Четвертая глава - «Сегментация речевого потока».

Современные подходы к анализу языковых явлений, в том числе к фонетико-фонологическим описаниям, вызывают несомненный интерес и являются актуальными в плане общей проблемы порождения речи, механизма речепорождающего процесса.

Недостаточная разработанность теории речевой деятельности, а главное - зачастую противоречивость в интерпретации самого процесса речепорождения и её структурных единиц затрудняют обращение к этой про-

блеме на материале конкретного языка, его фонетико-фонологической системы.

Современное фонетическое описание, ориентированное на моделирование реальных процессов говорения и понимания, предполагает принципиальное изменение характера описания фонетической системы любого языка, решение вопроса об устройстве фонетического компонента в модели речевой деятельности человека. Существенными для описания внутренних механизмов речи и адекватного понимания того, что делает говорящий и какие стратегии используются им во время порождения речи, оказываются те аспекты процесса создания высказывания, которые в терминах современной науки называют когнитивными. С точки зрения когнитивного подхода порождение речи рассматривается на этапах её зарождения (предречевых и доречевых), т.е. зарождения замысла речи и формирования дальнейшей его (замысла) объективации в виде предложения.

В связи с этим особое значение приобретает проблема сегментации звучащего речевого объекта, что, естественно, предполагает и определения самих единиц, составляющих речевой объект, специфики их взаимодействия. Процесс сегментации звучащего слова не реализуется последовательно, сегмент за сегментом только в линейном плане, есть и нелинейные сегменты, которые (линейные и нелинейные) вычлениются в разном порядке, но одновременно.

Сегментация речевого потока предполагает следующие этапы: слог - слово - фраза (высказывание) - сверхфразовые единицы.

Слоговая структура слога в бурятском языке. Элементарное модулирование речевого потока осуществляется особой фонологической единицей-слогом-мельчайшим, далее не членимым сегментом. Все единицы в пределах бурятского слова «спаяны» единым сингармоническим укладом артикулирующих органов, и ассимилятивные, и диссимилятивные процессы охватывают не только контактные движения «слева-направо» и в обратном направлении, но и дистантном положении.

Структура слога в бурятском языке относительно проста, она представлена типами Г, ГС, СГ, СГС, т.е. универсальным минимумом. Прежде всего, бурятский слог не допускает в своих пределах никакого скопления ни гласных, ни согласных.

По данным экспериментальной фонетики, бурятский слог представляет собой спаянный цельный артикуляционный комплекс: интразвуковые, звуковые и интерзвуковые процессы настолько сильны, что консонанты, например, многовариантны по всем структурирующим их дифференциальным признакам.

Стабильна в бурятском консонантизме только оппозиция по силе-слабости: ни при каких фонетических условиях согласные по этому признаку не подвергаются варьированию, нейтрализации, не меняют своего

стационарного участка. При этом стечения гласных абсолютно исключены не только в рамках слога, морфемы, слова, но и на стыке морфем (см. выше); согласные же могут вступать в контакт друг с другом, но только в единицах, превышающих слог.

Позиционно слоги типа Г и ГС возможны только в анлауте слова в силу отсутствия в его пределах каких-либо вокальных групп. Слоги СГ и ГСГ встречаются в любой позиции слова: в начале, середине и конце.

Формирует слоги бурятский язык по своим правилам, «исходя» из возможностей своей артикуляционной базы: типы слогов ограничены универсальным минимумом; допускает открытые и закрытые слоги; закрытые слоги возможны и в конечной, и в неконечной позициях (в отличие, например, от русского закрытого слога); слогоносителем бурятского слога всегда является только гласный; никаких консонантных сочетаний бурятский слог в свои пределы не допускает, кроме некоторых аффиксальных морфем.

Достаточно сложную картину представляет собой фонематика бурятского слога, и она глубоко специфична в силу действия в его пределах закона сингармонизма, который распространяется и на коартикуляционные процессы (см. выше).

Фонемная структура слога, качество его компонентов напрямую связаны с фонологическим делением гласных фонем на три группы: твёрдорядные: *a, aa, o, oo, y, yy, uй, ай, ой*; мягкорядные: *э, ээ, ү, үү, өө, үй*; нейтральные: *и, ии*.

Длигие гласные монофтонги и дифтонги устойчивы и в непервых слогах, т.е. не подвергаются изменениям под влиянием соседствующих согласных, даже мягких. Что касается кратких гласных, то они подвергаются в непервослоговой позиции определённой редукции, которая выражается в ослаблении мускульного напряжения стенок резонирующей полости. Но ослабление мускульного напряжения резонирующей полости, таким образом, никак не изменяет ни фонемного, ни звукового качества гласных фонем в так называемой «слабой позиции». В пределах бурятских аффиксальных морфем, всегда однозначных с точки зрения плана содержания, как известно, происходит чередование гласных элементов.

Фонематика согласных компонентов слога, в силу их «зависимого» характера, представляет собой довольно пёструю картину: нет стабильности ни по локализации, ни по способу преодоления преграды, ни по твёрдости-мягкости, ни по глухости-звонкости; причиной такой нестабильности является качество соседствующих гласных компонентов слога. Например, твёрдые фонемы могут выступать в 2-х оттенках: перед твёрдорядными гласными - в твёрдых, перед мягкорядными - в смягчённых оттенках. Вероятно, здесь можно говорить о так называемом слоговом сингармонизме по этому признаку (что, как известно, было на одном из этапов эволюции

категории твёрдости-мягкости в славянских языках). Это явление в современном бурятском языке оценивается как сингармонизм согласных.

По общей закономерности твёрдые и мягкие фонемы могут быть противопоставлены перед долгими монофтонгами, однако и здесь они дистрибутивно ограничены: в сочетании с <aa> могут выступать 4 пары: *м - м'*, *х - х'*, *т - т'*, *н - н'*; в сочетании с <aa> - только <н'>, с <уу> - только *х'* и *н'*; долгие мягкорядные гласные в контакт с мягкими консонантами вообще не вступают, кроме <ээ>. Совершенно неконтактируемы с мягкими согласными мягкорядная краткая <э> и дифтонги; долгая <ээ> может сочетаться только с <н'> и <л'>: *энеэдээн* (смех), *элез* (коршун).

В коартикуляционных процессах палатализованных согласных с гласными предпочтение отдаётся твёрдорядным долгим монофтонгам, вероятно, в силу того, что их количественные характеристики, большая напряжённость и объёмность резонирующей полости рта создают благоприятные условия для среднеязычной артикуляции, определяют характер слога, в составе которых наличествуют мягкие консонанты, и должны быть учтены при сегментации слова в целом.

Вариативность бурятских консонантов охватывает и преградную подкатегорию, по которой они противопоставлены как смычные-проточные, по характеру преодоления преграды - взрывные-щелевые. Но этот признак в бурятском языке фонологически значим только для согласных второй артикуляции (переднеязычных).

Модификации подвержены губно-губные слабые (*б - б'*) и заднеязычные слабые (*г - г'*): в зависимости от позиции в слове и фонетического окружения они могут проявляться в смычных и щелевых оттенках: для аллофонического варьирования губно-губных слабых <б> и <б'> необходимы два условия: интервокальное положение и твёрдорядность слова - для щелевых оттенков (*а[б']а* - отец), но при мягкорядном укладе слова этого не происходит: <б> и <б'> артикулируются в своих основных - смычных оттенках (*убэл* - зима, *эбэр* - рога); из заднеязычных <г>, <г'> только твёрдая фонема варьируется в смычных и щелевых оттенках: в начале и в инляуте твёрдорядных слов - в щелевых, мягкорядных слов - в смычных. Например, *уар* (орф.: *гар* - рука), *тоуоон* (орф.: *тогоон* - котёл).

Изменение по глухости-звонкости в фональной подкатегории бурятской фонетики определяются тем, что шумные глухие и шумные звонкие (по традиционной терминологии) различаются не тоновым компонентом, как в русском языке, а по степени напряжённости артикулирующих органов и длительности. Оппозиция глухость-звонкость чётко проявляется в структуре бурятского слога только перед вокальным компонентом.

В слогах ГС и СГС в качестве финали слова согласные «ведут себя» иначе, чем, например, в русском: употребляются только в глухом варианте, варьирования нет. Оно представлено в неконечном слоге (внутри слова). В

целом финаль срединного слога СГС по структуре идентична конечному - слабый смычный, как правило, твёрдый (за некоторым исключением), но глухой или звонкий в зависимости от «соседа» справа.

В бурятском языке сила-слабость аккомодирующему влиянию не поддается : первый член консонанса в основном слабый, не уподобляется по этому признаку с последующим согласным независимо от того, сильный он или слабый; уподобляются члены консонанса только по степени участия голоса.

Такими же особенностями в пределах слога характеризуются сонанты (сверхслабые). Тоновый компонент представлен в них только в превокальной позиции или в инлауте перед звонкими и сонорными членами; в конце слова и перед глухими в двухфонемных сочетаниях они артикулируются без участия голоса.

Сегментация слова в бурятском языке. Каждый язык характеризуется специфическим способом сегментации слова: в русском языке этим способом является словесное ударение, в бурятском - сингармонизм. В агглютинативных языках имеются свои и только ему присущие специфические особенности сингармонизма. Поэтому для общей его теории имеет существенное значение выявление тех фонетических «механизмов», которые лежат в основе действия сингармонизма в каждом конкретном языке.

Сингармоническую модель бурятского слова формирует особая, характерная только ей артикуляционная база, под которой понимается общая направленность в укладах органов речи при артикуляции звуков. Для артикуляционной базы бурятского языка характерно наличие двух взаимно исключających друг друга систем укладов органов речи при артикуляции звуков. Первая группа охватывает гласные с более низкими характерными тонами, куда относятся все гласные задней артикуляции и все гласные нижних подъёмов (открытые), для которых характерны более объёмные резонаторы в полости рта и соответственно более низкий тембр. Сюда относятся <a>, <a: >, <ai: >, <o>, <o: >, <oi: >, <y>, <y: >, <yi >. Гласные мягкого ряда (мягкорядные) - охватывают гласные звуки с более высокими характерными тонами. Все они характеризуются общей тенденцией подъёма спинки языка вверх по направлению к нёбу и сравнительно узким резонатором в полости рта, что и обеспечивает им более высокие тона по сравнению с гласными первой группы. Сюда относятся все гласные центрального и смешанного рядов и все гласные переднего ряда средних подъёмов: <e >, <e: >, <ee >, <ÿ >, <ÿ: >, <ÿi >.

Итак, основной оппозицией, которая лежит в основе этой чёткой распределённости гласных твёрдого и мягкого рядов при сегментации бурятского слова, является «широкорастворность-узкорастворность», обеспечиваемая степенью объёма резонатора в полости рта.

Выделение третьего, так называемого нейтрального ряда связано с чисто фонологической интерпретацией дистрибуции фонем <и>, <и: > по рядам. В фонетическом отношении в словах твёрдого ряда встречаются, как правило, несколько открытые отодвинутые назад аллофоны фонем <и>, <и: >, а в словах мягкого ряда - наоборот, более закрытые и опереднённые.

Но в сегментации значимых единиц языка принимают участие и согласные, и в речевом потоке сочетания гласных и согласных выступают как единый артикуляционный комплекс, что позволяет говорить не о гармонии гласных звуков, а о гармонии слогов, и в конечном итоге о сингармонической модели слова.

Модулирование, квантование звуковых единиц бурятского слова подчинено, таким образом, строго прогнвопоставленным укладам органов речи при сегментации слова, а не его отдельных элементов, которые принято называть твёрдорядными и мягкорядными укладами.

Твёрдорядная сингармоническая модель слова предполагает более широкую растворность полости рта, открытость, которая достигается движением языка назад книзу и комплектуется гласными твёрдого ряда при возможном наличии гласных нейтрального ряда в сочетании с несмягчёнными аллофонами твёрдых согласных фонем и мягкими фонемами.

Мягкорядная сингармоническая модель реализуется при узкорастворности резонирующей полости рта с общей тенденцией движения языка вверх и вперёд, в неё входят все гласные мягкого ряда, могут входить гласные нейтрального ряда, в сочетании со смягчёнными аллофонами твёрдых фонем и мягкие фонемы (правда, только в сочетании с <и>, <и: > и <э: >).

Сущность сингармонизма определяется в лингвистике как зависимость качества гласных подчинённых слогов от качества гласного господствующего слога или уподобление гласных подчинённых слогов гласным господствующего слога. Господствующим, независмым (доминирующим) компонентом признаётся гласный первого слога, который определяет весь вокальный состав слова в целом: если гласный первого слога узкий, то и последующие слоги тоже будут с узкими гласными; от широты первослогового гласного будет зависеть широта гласных всех остальных слогов. И.А.Бодуэн де Куртене указывал, что гармония гласных в тюркских и финских языках служит «цементом», соединяющим или связывающим слоги в слова, т.е. выполняет роль, которую в индоевропейских языках выполняет словесное ударение.

Моделирование речевых процессов, «механизм» озвучивания семантической информации, что приводит в движение весь сложный артикулирующий аппарат при звукопроизводстве и звуковосприятии в бурятском

языке, - вот тот круг вопросов, который вызывает интерес и находится в русле общей проблемы механизма порождения речи.

В рамках когнитивного подхода речевой процесс начинается с появления замысла (интенции, намерения) говорящего, с его желания выдать определённую семантическую информацию, на следующем этапе этот замысел формируется в определённые фреймы, сценарии, результатом которых становится «образ результата», т.е. говорящий, прежде чем подключить «физиологию речи», уже имеет в мозгу фонемно оформленный образ того, что подлежит «озвучиванию» для переноса этого «образа результата» к слушателю, что в конечном счёте и является целью говорящего. Этот довербальный уровень речепроизводящего процесса универсален, находится в «компетенции» мозга. На основе «образа результата» мозг на следующем этапе даёт стартовую команду к звукопроизводящим органам.

Схематично речепорождающий и речевоспринимающий процесс, весь его путь в рамках когнитивного подхода можно, вероятно, представить в следующем виде: замысел - фреймы, сценарии - «образ результата» - стартовая команда к органам речи - речевой сигнал - физиология речи - озвучивание - озвученный «образ результата» - восприятие слушателем. Таким образом, отправителем и получателем речевого сигнала является мозг: от мозга говорящего к артикулирующим органам, от них к органам слуха, от него к мозгу слушателя.

Процесс вербализации, «материализации» замысла говорящего, «образа результата» приходится уже на долю механизма озвучивания, собственно физиологии речи, и каждый язык, его фонетико-фонологическая система делает это по-своему, по-своему строит свои «кубики», организуя их в специфические, только ей (системе) свойственные парадигматические и синтагматические цепочки, отношения. Механизм звукопорождения начинается с того, что речевой сигнал - стартовая команда - приводит в движение весь речедвигательный аппарат.

Первый этап - это нервно-мышечная импульсация: начало движения воздушного потока в гортани, подключение или неподключение голосовых связок, определённая настройка резонирующей полости рта, наличие или отсутствие преграды на пути движения воздушного потока, способ преодоления преграды при её наличии; следующий этап - звук, образованный в результате этой нервно-мышечной импульсации, а затем уже вступает в действие звуковоспринимающий процесс тоже в нервно - мышечной импульсации - таким в самом общем виде представляется путь речевого сигнала от начала его зарождения до его завершения в мозгу слушателя.

Звук, функция которого быть переносчиком сигнала, может быть произведён лишь совокупностью артикуляционных действий и воспринят как совокупность их перцептивных коррелятов. В традиционных терминах компоненты таких совокупностей называются «различительными призна-

ками», который (термин), по мнению В.Я.Плоткина, не соответствует статусу данной языковой единицы, определяемой как самостоятельная фонологическая единица, в обеих своих частях (см.: 1993). Предлагается вслед за Бодуэном де Куртене ввести термин «кинакема», который содержит прямое указание на две сопряжённые сферы действия данной единицы - звукопроизводство (в корне «кин») и звуковосприятие (в корне «ак»).

Нельзя с этим не согласиться, но тем не менее в этой работе используется привычный термин «различительный (дифференциальный) признак» с полным осознанием того, что по сути своей эти два термина - не одно и то же, но объект у них один - «продукты» нервно-мышечной импульсации артикулирующих органов.

Заслуживает внимания и берётся на «вооружение» блочный принцип импульсации речевого плана выражения при сегментации универсальной субстанции, суть которого заключается в том, что несколько субстантных импульсов группируется в один блок, «контингент движений», запускаемый одной командой, которая, в свою очередь, автоматически активирует всю цепочку команд для отдельных, сведённых в «контингент» движений.

Бурятская фонетико-фонологическая система, если от артикуляционно-акустической, перцептивной и функциональных аспектов переключиться на речепорождающий процесс, на наш взгляд, очень хорошо укладывается на выше предложенный механизм озвучивания и восприятия семантической информации. Возникающий на определённом этапе объект, предназначенный для вербализации, «образ результата» отправляет команду артикулирующим органам, которые соответственно настраиваются на озвучивание именно этого объекта, и этот настрой (уклад) обеспечивает звучание всего слова.

Отправной точкой в этой стартовой команде становится доминирующий компонент, в бурятском языке - это гласный первого слога, автоматически вызывающий совокупность подкоманд для сегментации всего слова, тех его сингармонических моделей, которые допускает артикуляционная база бурятского языка. Относительная независимость первослоговой гласной выражается в том, что в этой позиции (в сильной) могут употребляться все гласные фонемы бурятского языка: в твёрдорядной модели - все гласные твёрдого ряда (краткие, долгие и дифтонги) и краткая нейтральная <и>; в мягкорядной модели - все гласные мягкого ряда и долгая нейтральная <и:>.

Если доминирующим компонентом «образа результата» оказывается слог с гласной твёрдого ряда (широкие <а>, <а:>, <аи>, <о>, <о:>, <оэ>, в этом же ряду узкие <у>, <у:>, <уи>), то срабатывает твёрдорядная сингармоническая модель, которая не пускает в свои пределы гласные противоположной модели (мягкорядной). Артикуляционный уклад этой модели

охватывает зону самого нижнего подъёма без локализации по ряду и верхне-среднего подъёма заднего ряда.

Если гласным первого слога слова является гласная мягкого ряда (*э, э:, ы, ы:, ы̆, ы̆:, ы̆̄, ы̆̄:*), то срабатывает мягкорядная сингармоническая модель: весь гласный состав слова будет представлен этими гласными. Артикуляционный уклад этой модели охватывает зону переднего и центрального рядов верхне-среднего подъёма, причём *ы, ы:, ы̆̄*-узкие гласные предельно верхнего подъёма, *э, э:, ы̆̄* - относительно открытые гласные.

Твёрдорядная модель предполагает две сингармонические модели по составу гласных фонем в слове в зависимости от первослогового гласного (с учётом аккомодирующего влияния предшествующих согласных): первая модель - с начальными твёрдорядными гласными *<a>*, *<aa>*, *<ai>*, *<y>*, *<yy>*, *<ui>*; вторая - с начальными твёрдорядными гласными *<o>*, *<oo>*, *<oi>*, представленные соответственно после твёрдых и мягких согласных.

Каждая из этих двух сингармонических моделей внутри себя имеет ещё свои разновидности.

1) Первая твёрдорядная сингармоническая модель охватывает в корневых морфемах зону самого нижнего и задне-средне-верхнего положения языка и реализуется в следующих разновидностях:

а) если гласными первого слога являются *a, aa, ай*, то в последующих слогах - те же гласные; артикуляторно это предполагает самый широкий резонатор, который осуществляется самым нижним положением языка без локализации по ряду при нейтральном положении губ и сохраняется на всём протяжении слова: *абаха* (брат), *азарга* (жеребец), *газаа* (на улице), *айраг* (кислое квашеное молоко), *аймхай* (боязливый, робкий) и т.д. С точки зрения различительных признаков их здесь два: гласные нижнего подъёма, неогубленные, по одной команде одновременно реализуется «контингент движений»: самый нижний подъём уже предполагает отсутствие огубленности, что объясняется широтой резонатора;

б) если гласными первого слога являются - *a, аз, aa*, то в последующих слогах возможна - *уу*. Артикуляторно это означает движение языка с самого нижнего его положения вверх - к самой задней по ряду и верхней по подъёму языка локализации, что предполагает наличие долгий *<у>*, *<уу>*.

Если предположить, что основным признаком твёрдорядного уклада является широкорастворность, объёмность резонирующей полости, то возникает вопрос, каким образом сюда укладываются узкие *<у>*, *<у:>*, *<уи>*. Вероятно дело в том, что в основной зоне образования гласных заднего ряда верхнего подъёма резонатор достаточно широк (язык чуть приподнят и задняя часть его предельно оттянута назад), но в силу огубленности и движения языка вверх переднее отверстие резонатора несколько суживается, но не настолько, как например, при *<у>*, *<уу>*. Поэтому среди всех узких гласных долгая *<уу>* артикулируется при более широком резонаторе.

локализована в самой задней зоне резонатора, что поддерживается количественной протяжённостью - долготой. Следовательно, при реализации этой разновидности первой твёрдорядной сингармонической модели можно говорить об определённой широте резонирующей полости рта. Кроме того, это движение языка «подключает» губную артикуляцию, поскольку поднятие задней части спинки языка закономерно предполагает огубленность - и то и другое осуществляется по одной команде. Примеры: *аршуул* (тряпка), *шааруул* (крылатый кузнечик), *уйтхар* (грусть, тоска) и т.д. В основном эта разновидность встречается в словах с производной основой, где <уу> - в аффиксальной морфеме;

в) если гласными первого слога являются заднерядные <у>, <уу>, <уи>, то в последующих слогах будут те же гласные, кроме краткой <у>: *узуур* (корень, основание); *урдуур* (южной стороной).

Однако, как видно из словарных данных, сочетания с первой и последующей долгой <уу> - в последовательности *уу-уу* в пределах одного бурятского слова не встречается, кроме двух слов с аффиксальной второй <уу>: *уурлуулха* (сердить - от *уурлаха*), *уууулха* (допустимо от *ууяха* - устраивать дымокур);

г) наиболее закономерно представлено в лексике бурятского языка с первослоговыми <у>, <уу>, <уи> продолжение с гласными <а>, <аа>, <ай>: *уһан* (вода), *уужам* (узкий), *ухаан* (ум, разум, рассудок), *уйтхар* (грусть, тоска).

Вероятно, это наиболее приемлемый уклад, предполагающий расширение резонатора по мере продвижения языка сверху вниз.

Наличие в пределах слова первослоговой краткой <и> вызывает последующий твёрдорядный уклад артикулирующих органов: *илгаха* (различать, отличать), *инаг* (дружеский, любезный), *иргуу* (нерешительный), *ирзайха* (скалить зубы), *хизаар* (предел, край, граница, рубеж).

В слогах с предшествующими мягкими согласными твёрдорядные мягкие гласные не меняют своего качественного значения по кардинальным признакам, краткие гласные, кроме <и>, вообще не сочетаются с мягкими согласными (за небольшим исключением), и краткой <а> в перечне гласных непервых слогов нет. При наличии «слева» носовых согласных артикуляция слога начинается с команды на опущение нёбной занавески, при их отсутствии - команда на воздержание от этой операции - нёбная занавеска находится в нормальном для речи поднятом состоянии.

2) Вторая твёрдорядная сингармоническая модель: *о,оо,оі→о, оо,оэ,уу,ы(ии)* - реализуется при стабильном артикуляторном укладе, заданном первослоговой гласной, и осуществляется в двух разновидностях:

а) *о, оо, оі → о, оо, оі*: резонирующая полость рта относительно широкорастворна, язык по вертикальному положению занимает среднюю позицию в резонаторе, по горизонтальному - в задней зоне, но более оперед-

нённой, чем при <у>, <уу>: губы подключены, но не в такой степени, как в русском языке. Этот уклад стабильно сохраняется на протяжении всего слова, обеспечивая в непервых слогах тот же состав гласных: *огторгой* (небо, небосвод), *одои* (звезда), *онгосо* (лодка), *олзо* (прибыль, доход), этой же модели подчиняются заимствованные слова: *олтообхо* (литовка), *ольпооихо* (лепёшка), *оошор* (очередь), *оозом* (озимь). Это артикуляционное положение в основном сохраняется и при слово-формообразовании, что позволяет говорить о губной гармонии гласных (иначе - губном притяжении), довольно широко представленной в бурятском языке (шире - в монгольских языках);

б) при первослоговых *о*, *оо*, *оі* губная гармония действует и при второй разновидности твёрдорядной модели - при наличии долгой <уу> в непервых слогах, что обеспечивается небольшим движением вверх и назад. Это вызывает некоторое сужение резонатора при неизменности уклада по другим параметрам: эта разновидность второй сингармонической модели (*о*, *оо*, *оі* - уу) встречается только в производных словах, где слог с <уу> представлен в аффиксальных морфемах, и то очень редко (по данным словарей бурятского языка): *оруулха* (допустимо от *орохо* - входить, идти (об осадках) и т. д.), *ойлгуулха* (разъяснять, от *ойлгохо* - понимать).

Все «видоизменения» в этих моделях и их разновидностях происходят в пределах только своей зоны - твёрдорядной.

Мягкорядная сингармоническая модель комплектуется гласными мягкого ряда: *э*, *ээ*, *ү*, *үү*, *үи*, *оо* и нейтральными *и*, *ии*, охватывает зону переднего (отодвинутого назад по сравнению с *и*, *ии*) и центрального рядов, средне-верхнего подъёма; средняя зона - относительно широкие, верхняя - узкие. Особенностью мягкорядных гласных является сочетаемость в пределах слога и слова только с твёрдыми согласными, но в смягчённых оттенках. Исключением в этом плане являются долгие фонемы <ээ> и <үү>, которые могут вступать в контакт с некоторыми (избирательно) мягкими фонемами (см. выше).

Команда на мягкорядность подаётся («свыше»), и весь артикуляторный аппарат принимает соответствующее положение, при этом эта модель также допускает разновидности:

1) если первослоговыми гласными являются гласные *э*, *ээ* в сочетании с неносовыми согласными, то:

а) резонатор принимает относительно широкое и продвинутое вперёд положение, нёбная занавеска в поднятом состоянии при нейтральности губ, и этот уклад сохраняется на протяжении всего слова: *эдеи* [эд'эи] - еда, *эдьхэлэ* (закваска), *элдэлэ* (выделка (кожи)) и т.д.

б) при первослоговых <э>, <ээ> в последующих слогах закономерно представлена долгая *үү*, при этом изменяется резонирующая полость в сторону сужения, вызванное поднятием языка на предельно верхнее полож-

ние, подключаются довольно активно губы, небная занавеска может быть поднятой или опущенной в зависимости от коартикулируемого согласного. По данным словаря И.М.Черемисова (1973), *уу* в непервых слогах появляется при слово - формообразовании: *гэшхүүр* (от *гэшхэхэ*) - лестница (крыльцо), *шэгнүүр* (от *шэгэнэхэ*) - весы, *шэмхүүргэ* (щипчики; от *шэмхэхэ* - щипать), *зэргүй* (без дома; от *зэр* - дом) и т.д. Следовательно, для корневых морфем закономерным является последовательность *э, ээ → э, ээ*.

2) Если первослоговыми гласными являются *у, үу*, то в последующих слогах следуют либо *уу* в корневых морфемах: *үбсүүн* (грудь), *үлүүр* (резвый) и т.д.; либо *<үү>* появляется при формо-словообразовании: *үлүүр* (вешалка; от *үлэхэ*) т.е. предельная узкорастворность резонатора сохраняется на протяжении всего слова, что определяется предельно верхним положением языка.

3) Наиболее закономерным в сегментации бурятского слова с первослоговыми *у, үу* является движение языка вниз до четвёртой примерно ступени по шкале Л.В.Щербы, т.е. тенденция к «снятию» напряжения резонирующей полости и разогубление: произносительный аппарат принимает более спокойное положение, что создаёт последовательность - *у, үу → э, ээ, өө: үглөө* (утро), *үбшэн* (болезнь), *үбдэг* (колени), *үүгэхэ* (поднимать), *үүдэн* (дверь), *үүгэн* (облако).

4) Если первослоговой гласной оказывается долгая, относительно широкая огубленная гласная *<өө>*, то в последующих слогах бесконкурентно следует краткая *<э>* (в Бурятско-русском словаре К.М.Черемисова не отмечено ни одного слова с последующим слогом с долгой *ээ: өөдэлхэ* (становиться на ноги, выходить из бедственного положения), *өөхэн* (поговорам *үүхэн* - жир), *бөөлэхэ* (молиться), *бөөлгэхэ* (рвать - о рвоте); в непервых слогах *өө* отмечена в основном после узких *у, үу* и в формо - словообразовании от основы возвратного местоимения *өөр*, употребляющегося с послелогоми: *өөр тээшээ* (к себе), *өөрөө* (сам), *өөртэ* (безличное притяжение), *өөртөө* (самому себе) и т.д.

Итак, 1) при твёрдорядных и мягкорядных сингармонических моделях всякое движение языка вверх или вниз, вперёд или назад строго ограничено рамками соответствующего уклада артикулирующих органов; 2) стартовая команда нервно-мышечной импульсации одновременно подключает «контингент движений»: верхне-средне-заднерядность и огубленность, передне-среднерядность и неогубленность, нижнее положение языка и команду на воздержание от участия губ, центрально верхнее и среднее положение языка и подключение губной артикуляции и т.д.

Гласные нейтрального ряда *и, и:*, индифферентные к твёрдо-мягкорядности уклада артикулирующих органов, не свободны в своём функционировании; их употребление позиционно закреплено: в первом слоге твёрдорядного слова употребляется только краткая *[и]*; в первом слоге

мягкорядного слова - только долгая [u:]; в первых слогах могут употребляться краткая и долгая фонемы независимо от отнесённости слов по ряду.

Известно, что <и>, <и: > - это узкие гласные переднего ряда и верхнего подъёма, причём аллофоны долгой фонемы артикулируются при предельно переднем и предельно высоком положении языка, хотя под влиянием аккомодирующего влияния мягких согласных в пределах слога могут употребляться, как и краткая [и], в несколько отодвинутых назад оттенках (в соседстве с заднеязычными и увулярными согласными); краткая фонема <и> в абсолютном начале слова (т.е. вне сочетания с мягкими согласными) реализуется в более открытом аллофоне по сравнению с переднерядным оттенком. Кроме того, указанные гласные фонемы при наличии только их в вокалической структуре слова непременно соблюдают определённую последовательность: краткая <и> занимает позицию первого слога, долгая - следует за ней: *минии* (мой), *шинии* (твой) и т.д.

Если в первом слоге представлены указанные гласные, то сингармоническая модель слова определяется по гласной фонеме второго слога. Во втором слоге после *и* обычно функционируют гласные первой сингармонической модели, после *ии* - первой и третьей: *шиниганаха* (шипеть), *иибэзэр* (очень слабый).

На функционирование гласных в сильной и слабой позициях накладываются и синтагматические факторы.

Бурятские долгие *аа*, *оо*, *ээ*, *уу*, *үү* могут сочетаться со всеми согласными по признаку «твёрдость-мягкость», краткие *а*, *о*, *э* и долгие *оо* и *ы* (вариант фонемы *ии*) употребляются только после твёрдых согласных и *й*, дифтонги *аз*, *оэ* - только после твёрдых, гласные *и*, *ии*, только после мягких.

По данным Бурятско-русского словаря (см.: Черемисов 1973) абсолютное большинство исконно бурятских слов структурировано последовательностью гласных (соответственно в первых и первых слогах): *а*, *аа*, *аз* → *а*, *аа*, *аз*; *о*, *оо*, *оэ* → *о*, *оо*, *оэ*, *ооэ*; *э*, *ээ* → *э*, *ээ* - типа *абаха* (брат), *ошохо* (идти), *ерэхэ* (прийти), *оороо* (сам) и т.д., т.е. широкорастворность артикулирующих органов сохраняется на протяжении всего слова. Такая сегментация слова свойственна в основном корневым морфемам, в меньшей степени - аффиксальным.

При первослоговых узких гласных <у>, <уу>, <уи>, <ү>, <үү>, <уи> общей тенденцией (по данным словарей) сегментации слова является расширение резонирующей полости и соответственно разогубление, что представлено последовательностью в гласном составе слова: *у*, *уу*, *уи* → *а*, *аа*, *аз* - в твёрдорядных словах; *ү*, *үү*, *үи* → *э*, *ээ*, *оо* - в мягкорядных.

Вполне закономерно, хотя и в гораздо меньшем репертуаре гласный состав бурятских слова представлен в последовательности : <ү>, <уу>, <уи> - в первом слоге и только долгая <уу> - во втором - в твёрдорядных словах; <ү>, <үү>, <үи> - в первом и только долгая <үү> - во втором слоге

- в мягкорядных; краткие узкие <у> и <γ>, дифтонги <уи> и <γи> в непервых слогах не употребляются. Думается, что «несоблюдение» тенденции к «расширению» резонирующей полости вполне компенсируется временной протяжённостью узких непервослоговых гласных - их долготой: *буруу* (годовалый телёнок), *бүдүүн* (толстый), *будуу* (несукложий), *бугуули* (аркан).

Тенденция к расширению резонирующей полости «говорильного» аппарата на протяжении звучания бурятского слова проявляется и при их сегментации первослоговыми узкими <и>, <ии>: после слога с <и> краткой следуют слоги с широкими <а>, <аа>, <аэ> - в твёрдорядных словах; после слога с долгой <ии> - слоги с мягкорядными <э>, <ээ>: *иизаган* - козлёнок (детёныш дикой козы), *иибээр* (очень слабый), *ишаан* - мошка, мошкара (зап. *мухи*), нимэ (такой); могут редко следовать и узкие, но непременно долгие <уу>, <γγ>: *игсуун* (удушливый), *иилүүр*, *иилүүрэхэ* (образования от *ишлаха* - сбивать масло); других примеров не обнаружено.

Аффиксальная система бурятского слово-формообразования, в частности падежная, также подчинена тенденции «расширения» резонатора и «удлинения» гласных - представлена в основном морфемами с долгими гласными: например, парадигма слова *ээр* (дом): *эрын*, *ээрэр*, *эртэй* и т.д. Исключением в этой парадигме является форма Д.п. - *эртээ*; при сегментации слова в дательном падеже морфемами с долгими гласными образуется уже форма посессива: *абадаа* (ср.: *абада* - отцу, *абадаа* - своему отцу), *эртээ* (своему дому), *эмыдээ* (своей матери) и т.д. Следствием указанной тенденции, вероятно, является «невостробованность» кратких узких гласных <у>, <γ> в непервых слогах бурятского слова.

Об акцентной организации слова в бурятском языке. В звуковом потоке два уровня языка - линейный (сегментный) и нелинейный (суперсегментный) - выступают совместно, одновременно, при этом суперсегментные единицы как бы накладываются на линейные отрезки. К ним относят все единицы, превышающие сегментные звуки, начиная от слога и кончая текстом.

На суперсегментном уровне «вступают в силу» уже другие, просодические средства, наряду с сегментными организующие звуковой поток, звучащую речь. К ним в первую очередь относятся ударение во всех его видах, в том числе словесное ударение в языках, где оно есть, сингармонизм в агглютинативных языках и интонация.

Ударение является одним из компонентов просодической системы языка и в то же время важным средством формирования высказывания. В зависимости от того, с какой сегментной единицей функционально соотносится ударение, различают словесное, синтагматическое (тактовое) и фразовое ударение. Выделяют ещё и логическое ударение (см. ниже). В современной лингвистике говорят и о текстовом ударении, которое характеризу-

ется прежде всего повышением тона в конце фонетического слова, стоящего в конце фразы (вместо ожидаемого понижения) (см.: Торсуева 1995).

Словесное ударение, таким образом, одно из фонетических типов ударения в узком понимании этого термина и является средством ритмической организации слова в отличие от других его типов, которые связаны с единицами более широкой пространственной протяжённости - синтагмой, фразой, текстом, выделяемыми на основе прежде всего семантического, смыслового критерия.

В русском языке, как и во всех языках, имеющих ударение, средством фонетической организации слова является словесное ударение, в бурятском, как и во всех агглютинативных языках, - сингармонизм.

Словесное ударение и сингармонизм, таким образом, объединяет общая функция - кульминативная - обеспечение «цельности и отдельности слова (словоформы) путём просодической централизации его слово - звуковой структуры.

Но русское словесное ударение в силу того, что оно свободное и подвижное с точки зрения зоны локализации, способно выполнять и сигнификативную функцию, различая не только грамматические формы (*бкна - окна*), но и лексемы: *зáнок - замóк, мука́ - мýка*).

Сингармонизм, действуя как «цементирующее средство» и обеспечивая целостность и отдельность словоформы, сигнификативную функцию не выполняет.

Фонетическая природа русского ударения и сингармонизма в бурятском языке также не совпадают. Фонетических средств, которыми в любом языке может характеризоваться ударный слог, как известно, четыре: длительность, сила, качество, высота. Однако последний признак (высота тона) для русской ударности не имеет значимости.

В известной формуле А.А.Потебни, представляющей некий идеальный инвариант фонетической организации слова, показано, как словесное ударение организует русское слово, превращая его в целостную единицу, т.е. подчёркивает основную функцию словесного ударения - фонетически организующую, кульминативную. На базе фонетически организующей функции возникают и другие функции словесного ударения, ведущее место среди которых занимает словоопознавательная, конститутивная.

Л.Р. Зиндер называет её «основной фонологической функцией: «Основная фонологическая функция словесного ударения заключается в том, что оно, как и фонема, является обязательным элементом звукового облика слова» (1979), подчёркивая тем самым два момента: 1) функциональное сближение фонемы и словесного ударения; 2) подчёркивание особой роли словесного ударения в процессе опознания слова: «функциональные характеристики выводятся из рассмотрения их «поведения» в составе значимых единиц языка...» (Бондарко 1981).

А это предполагает не посегментную фонемную идентификацию элементов, входящих в состав слова, а описание слова в целом. Следовательно, ударение «организует» ритмическую структуру слова, которая является исходным пунктом в опознании самого слова. Процесс распознавания опирается на тесное взаимодействие сегментного и суперсегментного уровня, т.е. при определении ритмической структуры слова учитываются не только вокалические элементы, но и консонантная структура слова.

Под словесным ударением, таким образом, в индоевропейских языках, в том числе и русском, понимается выделение по какому-либо параметру или параметрам одного из слогов слова по отношению к другим слогам этого же слова. При такой трактовке словесного ударения считается, что оно оформляет слово в единое фонетическое целое с объединением неударных слогов вокруг ударного.

Но есть и другая точка зрения - ударение обнаруживает абсолютный характер: ударные - неударные; каждый тип характеризуется своими свойствами, отличающими его от другого типа, и слог воспринимается ударным и тогда, когда рядом нет неударных (см.: Щерба 1912). Каждый из ударных и безударных слогов характеризуется своими качественными и количественными признаками, и каждый из них выполняет в слове свою функциональную нагрузку. Другое дело, что качество и квантитативность гласных в безударных слогах определяются их позицией по отношению к ударному слогу. Следовательно, ударный гласный не регулирует качественные и количественные характеристики гласных безударных слогов, а является показателем позиции, в которых реализуются фонетические признаки безударных слогов.

Исходя из вышесказанного, можно сказать, что словесное ударение выполняет две функции: служит средством разграничения ударных и безударных слогов и различителем смысловой структуры разных слов (*мука́ - му́ка*).

В агглютинативных языках, в том числе и в бурятском, «цементирующим средством» фонетической организации слова, как было отмечено, является сингармонизм. При сегментации и ритмической организации слова могут одновременно участвовать три типа сингармонизма: тембровый, лабиальный и компактный.

Оппозиция «ударные-неударные слоги» отчётливо проявляется не во всех языках: есть языки (напр., монгольские), в которых выделение ударных слогов проблематично, и даже экспериментальные исследования не дают чёткого ответа на вопрос о том, есть ли оно вообще.

Как отмечают бурятские фонетисты, на основе субъективно-слухового анализа одни учёные считали, что в монгольских языках ударными являются гласные первого слога независимо от долготы - краткости, другие - на последнем слоге, третьи признавали наличие двух типов ударения: глав-

ного и дополнительного: главное - на первом, дополнительное - на последнем слоге. Г.Д.Санжеев отрицал наличие ударения, в частности, в таком виде, в каком оно существует в русском языке. Л.К.Герасимович: «Эксперимент не даёт никаких оснований утверждать, что в монгольских языках существует ударение, отчётливо воспринимаемое носителями языка» (1975).

В вопросе о словесном ударении следует рассматривать два аспекта, которые чётко различаются: первый - это его фонетическая природа и второй - его место в слове.

Главными фонетическими признаками русского ударения являются длительность и качество звука (тембральность). Сила звука также является отличительным свойством ударения, что придаёт ему акустическую громкость как результат усиления мускульного напряжения.

Четвёртый признак ударенности - это высота тона, выделяющая ударный слог. Этот признак нехарактерен русскому ударению, поскольку он свойствен музыкальному ударению, которого нет в русском языке.

Следовательно, русское словесное ударение по его фонетической природе следует определить, во-первых, как качественное, во-вторых, как количественное, и в-третьих, как силовое.

Как отмечалось выше, в бурятоведении нет единого мнения о том, есть ли словесное ударение вообще в бурятском языке, какой слог может быть выделен как ударенный, каковы, если он есть, фонетические характеристики и функциональная значимость.

В результате экспериментального исследования («Акцентуация бурятского языка», 1981) Б.Ж.Будаев пришел к выводу о том, что словесное ударение в бурятском языке есть, локализовано оно в конечном слоге и характеризуется одним значимым признаком - высотой тона.

Таким образом, по утверждению бурятских учёных в монгольских языках словесное ударение есть и характеризуется только одним признаком - высотой тона, т.е. признаком, который для словесного ударения индоевропейских языков незначим (см. выше), а признаки, которыми характеризуется, например, русское словесное ударение - длительность, интенсивность, напряжённость, индифферентны для словесного ударения монгольских языков. Кроме того, монгольское словесное ударение, по их мнению, выполняет только одну функцию - функцию демаркационного сигнала слова.

Выходит, что у индоевропейского и монгольского словесного ударения нет ничего общего - ни с точки зрения их фонетической природы, ни со стороны их функций, которые они выполняют в языке. В целом, на наш взгляд, правы те, кто считает, что словесного (именно словесного) ударения в бурятском языке нет.

Каждая единица, линейная и нелинейная, только тогда, как известно, имеет статус языковой единицы, если она функционально значима. Что касается демаркационной функции, единственной функции, которая отведена бурятскому словесному ударению, то функцию пограничного сигнала могут выполнять, как известно, и суперсегментные единицы, например, пауза, хотя её «присутствия» в потоке речи может и не быть. Главный пограничный сигнал - звуковые оболочки знаковых единиц в целом.

Как пишет Л.В.Бондарко, в процедуре различения звуковых цепочек, описываемых в виде последовательности фонем, при экспериментальном исследовании восприятия речи «мы сталкиваемся с весьма интересным и важным явлением, а именно со стремлением слушающего любую звуковую цепочку превращать в осмысленное слово» (1981).

«В связи с этим, - пишет далее Л.В.Бондарко, - нужно признать, что на первый план в речевой деятельности выдвигается функция конституирующая, поскольку фонема выступает как единица описания слова при его опознании или производстве. При этом трудности представления той или иной звуковой цепочки снимаются, если мы можем узнать в ней какое-то слово» (Там же).

Здесь речь идёт о фонеме, но это применимо и к другим языковым единицам, комплекующим слово и другие речевые отрезки.

В заключении подведены итоги исследования.

Основное содержание диссертации отражено в следующих работах;

1. О некоторых произносительных ошибках в устной русской речи студентов-бурят и путях их преодоления //Вопросы бурятской филологии. Вып. IV.- Иркутск, 1975.- С. 85-90.
2. Статистико-комбинаторная характеристика парадигм сочетающихся согласных в бурятском языке (в соавторстве) //Исследования по бурятской филологии.-Улан-Удэ, 1978.-С.86-103.
3. Особенности категории твёрдости-мягкости в бурятском языке //Вопросы бурятской филологии и литературоведения.- Иркутск, 1980.- С. 44-53.
4. Произношение русских начальных и конечных сочетаний согласных при их реализации в устной речи бурят //Вопросы преподавания русского языка в условиях русско-бурятского двуязычия.-Иркутск, 1981.- С.24-34.
5. Свистящие и шипящие в русском и бурятском языках (к вопросу о преодолении акцента) //Вопросы преподавания русского языка в национальном вузе.- Иркутск, 1985.- С. 3-11
6. О нормах сочетаемости согласных фонем в русском и бурятском языках //Звуковой состав монгольских языков.- Улан-Удэ, 1989.- С. 32-43.

7. О сегментной организации слова в бурятском и русском языках //Сегментные и просодические единицы языков Байкальского региона.- Улан-Удэ, 1991.-С. 57-77.

8. Типологическое сопоставление фонем и их сочетаемости в русском и бурятском языках.- Новосибирск, 1991.-132 с.

9. Интерференция и её виды (очерк) // Вопросы бурятско-русского двуязычия.-Улан-Удэ,1996.-С.23-31.

10. О словесном ударении в русском и бурятском языках // Вопросы бурятско-русского двуязычия.- Улан-Удэ, 1996. -С. 3-13.

11. Работа по преодолению акцентных явлений в русской речи студентов-бурят (на материале свистящих и шипящих в русском и бурятском языках //Вопросы бурятско-русского двуязычия.- Улан-Удэ, 1996.- С.13-23.

12. К вопросу об акцентной организации слова в бурятском и русском языках //Вопросы бурятско-русского двуязычия. Вып.2.- Улан-Удэ, 1998.- С.53-59.

13. Слоговая структура в бурятском и русском языках //Вопросы бурятско-русского двуязычия.-Улан-Удэ, 1998.-С.34-53.

14. Консонантные модальные категории в бурятском и русском языках //Вопросы бурятско-русского двуязычия. Вып.2.- Улан-Удэ, 1998.- С.26-34.

15. Сегментация речевого потока в бурятском языке.-Улан-Удэ, 1998. -104 с.

